

ПРОЕКТ ЭЛЬБА

Александр

Тамонников

Кремлевский спецназ

Линия фронта: Москва-Кандагар

Проект «ЭЛЬБА»

Александр Тамоников
Кремлевский спецназ

«ЭКСМО»

2012

Тамоников А. А.

Кремлевский спецназ / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2012 — (Проект «ЭЛЬБА»)

В 1989 году при выводе советских войск из Афганистана, изменив Родине и присяге, к моджахедам бежал полковник Куршин. С тех пор он, сменив имя на Али Куршед, служил только террористам – и деньгам, которые те ему платили. И вот спустя годы он готовит чудовищный теракт в столице своей бывшей Родины. Замысел Куршеда ужасен: взорвать напротив Кремля захваченный теплоход с американскими туристами. Силами объединенной российско-американской спецгруппы «Марс» замысел террористов сорван и заложники спасены. Однако изменник Куршин-Куршед не может остаться безнаказанным. И «Марс» снова летит в Афганистан...

© Тамоников А. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Тамоников

Кремлевский спецназ

*Все описанное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*

Глава первая

Афганистан, место дислокации советской воинской части у афганского селения Тайзаб, январь 1989 года

После завтрака к штабному модулю мотострелкового полка N-ской мотострелковой дивизии подошли «УАЗ-469» и БМП-2. Им навстречу вышли командир полка, тридцатилетний полковник Денис Владимирович Куршин, и его заместитель подполковник Ивахин. С БМП на землю прыгнул старший лейтенант Аникин, командир взвода разведывательной роты, и направился к командиру полка с докладом, но Куршин махнул рукой:

– Вижу, что готов к сопровождению. Вот только видок у бойцов какой-то расхристанный. Почти все без «броников», воротники курток нараспашку, оружие держат где попало... Передай командиру отделения, чтобы привел подчиненных в порядок – все же не начпрода будете сопровождать, а командира полка. Сам проконтролируй действия сержанта. Начало движения через пятнадцать минут, так что время у тебя есть.

Взводный отошел к БМП-2, на броне которой разместилось отделение разведчиков, окликнул сержанта Влащука и передал приказ Куршина. Влащук как следует гаркнул на подчиненных. Те быстро застегнули пуговицы, поправили автоматы. Бронежилеты надевать не стали – зачем? Да и неудобно поверх бушлата. В случае чего бронезащита будет сковывать движения. И толку от нее, по большому счету, мало. Снайперы бьют в головы или под «броник», в печень; попади же пуля в бронежилет, то все одно на какое-то время выведет бойца из строя, если не пробьет насквозь. Взводный настаивать на полной экипировке не стал. Старлей воевал почти два года, бывал во всяких передрягах и сам на выходы бронежилет не брал.

Убедившись, что бойцы отделения привели себя в порядок, Аникин взобрался на броню и занял свое место на башне БМП, положив руку на скорострельную пушку. Отдал команду механику-водителю:

– Данава! Заводи машину, через десять минут едем!

– Есть, – ответил механик, и дизель БМП, поначалу фыркнув выхлопом отработанных газов, заурчал на малых оборотах.

Командир полка, отправив начальника охранения, повернулся к своему заместителю:

– Ты, Сергей Семенович, пока я поработаю в хозяйстве Степко, проверь батальон Шевина. Заместителю по вооружению поставить от моего имени задачу тщательно проверить каждую машину. Сам понимаешь, марш до границы – это не шутка. Преодолеть придется более двух сотен верст, да еще и по горным дорогам. «Духи», по договоренности, мешать не должны, но черт его знает, что у них на уме. В любом случае главное – это готовность техники к маршу. Комдив по головке не погладит, если выйдемся из графика; команда же на выдвижение может поступить в любую минуту.

– У нас как минимум четыре БМП и два БТРа не смогут и пары километров пройти. И ремрота сделать ничего не может – нет у Быкова нужных агрегатов, да и в полевых условиях заменить их практически невозможно.

– Это проблема зампотеха и начальника бронетанковой службы. Пусть думают, а не руками беспомощно разводят.

– Да, но Водрин в заместителях по вооружению всего два месяца, а начальник бронетанковой службы последние дни не просыхает в своем отсеке. Запил майор. Вместе со своим помощником.

Полковник сплюнул на песок:

– Черт бы побрал этих технарей! Придется решать проблему тебе вместе с замполитом.

– Каким образом, Денис Владимирович?

– Каким? А отгони ты всю неисправную и ненадежную технику, что на жесткие буксиры к тягачам прицепить не сможем, к южному каньону, да и сбрось ее в бездну.

– Но как же так? А что потом, когда выйдем на территорию Союза?

– Мне тебя еще учить? В техчасти писаря остались?

– Так точно!

– Так прикажи составить акты списания техники на боевые потери. И потом, Сергей, кто после выхода будет разбираться с техникой? Дивизию, а значит, и полк планируют расформировать. Да и на марше всякое произойти может. Работай, голову себе лишними вопросами не забивай, но бумаги заставь оформить как следует. С этим-то наш зампотех справиться должен. Ты все понял?

Заместитель командира полка тяжело вздохнул:

– Понять-то понял, только...

– Что только? – повысил голос Куршин.

– Особисты если впрягутся, то могут и раздуть дело. И тогда нам обоим мало не покажется. Тебе не видать повышения, мне – теплого местечка на кафедре тактики родного училища.

– Не беспокойся, особистов я беру на себя.

– Ну, если так, то лады!

– Давай, мне еще двадцать верст до Урульдака пилить. И в батальоне Степко дел по горло. Роты раскиданы по горам, прикрывают ущелье; придется побывать в каждой, на местах проверить, что да как.

– Ты, командир, поаккуратней там! И особенно в пути до кишлака. Начальник штаба докладывал, что дивизионная разведка в нашем районе заметила мобильную группу «духов». Правда, пока точно не установлено, что это за группа; возможно, подразделение афганских правительственных войск, но может статься, что и «духов».

Командир полка похлопал своего заместителя по плечу:

– Сейчас, Сережа, «духам» нет никакого резона вести против нас активные действия. Сами не сегодня завтра уйдем. В Пакистане и за океаном прекрасно понимают, что лучше не мешать. А то если сожгут пару колонн, Москва может и отменить решение о немедленном выводе войск. И тогда мы останемся. Только будем злее и агрессивней. Ни Раббани, ни Хекматияру это не нужно.

– И все же я взял бы еще одно отделение. У старого моста через Урдальку место для засады – лучше не придумаешь. Один выстрел гранатомета – и нет охранения. Второй – вся колонна прямиком отправится на небеса.

– Ты, Сергей Семенович, здесь проблемы решай, а что делать мне, я соображу сам! Вопросы?

– Никак нет, товарищ полковник!

– Выше нос, Сережа, скоро в ташкентских кабаках гулять будем да девочек пачками «снимать». За чеки любая из шлюх и хату найдет, и приголубит так, что обо всем забудешь... Давай, рули здесь, я поехал. Связь по необходимости!

– Удачи, командир!

...В 8.45 12 января 1989 года колонна из командирского «УАЗа» и БМП сопровождения вышла с территории полка, прошла зону минно-взрывных заграждений, постов охраны и по грунтовой дороге двинулась к невысокому перевалу, что лежал на пути к кишлаку Урульдак, где нес службу второй мотострелковый батальон подполковника Степко. Погода выдалась ненастной, изредка накрапывал дождь, хотя сильного ливня, как и всю прошлую неделю, не было. Тем не менее грунтовку развезло. Впрочем, и «УАЗ», и тем более БМП вполне справлялись с ней. Да и грунтовка тянулась лишь до перевала. Дальше за хребтом на плато до самого кишлака пошла каменистая дорога. Едва преодолели серпантин перевала, как Куршина вызвал на связь начальник охраны:

– Оляха! Я – Редут! Через километр опасный участок. Разрешите мне выйти вперед и осмотреть местность у моста.

– Это лишнее, Редут. Выходим к реке в установленном порядке. Единственное – чтобы при подходе к мосту твои бойцы находились в повышенной готовности. На любое движение у реки, в «зеленке», на правом склоне открывай огонь без дополнительной команды. Режим движения не меняем. После прохождения опасного участка остановимся, осмотримся. Далее до пункта назначения пойдешь первым. Как понял меня?

– Понял вас, Оляха!

– И спокойнее, Редут, спокойнее! Конец связи.

Переведя бортовую радиостанцию на режим приема, Куршин взглянул на своего водителя сержанта Адаяна:

– Как дела, Тофик?

– Нормально, товарищ полковник! – улыбнулся водитель.

– У вас в Ереване сейчас тоже теплая погода?

– Нет, в Ереване сейчас снег. И все равно там хорошо... Сплю и вижу, как вернусь домой.

– Недолго осталось!

– А вы не знаете, когда нашему полку уходить отсюда?

– Нет. Но до 15 февраля все войска ограниченного контингента должны покинуть Афганистан.

– Это хорошо, месяц переживем как-нибудь.

– Месяц – это по максимуму. Не исключено, что уйдем и раньше. Тебя дома кто ждет?

Мы ни разу за полгода так и не поговорили по душам.

– Мама и Алмаст.

– А отец?

– Нет у меня отца, товарищ полковник. Умер перед тем, как меня призвали в армию.

– Болел?

– В том-то и дело, что совсем не болел...

– Отчего же умер? Хотя, если не хочешь, не отвечай.

– Сердце остановилось. Утром, как обычно, вышел из дома – у нас свой дом на окраине города, – пошел к автобусной остановке. Я в окно видел. А потом вдруг присел на скамейку у соседнего дома, голову набок наклонил и сидит. Я мать позвал – раньше отец никогда по пути к остановке не останавливался. Мы к нему, а отец... Мама заголосила, сосед вызвал «Скорую». Потом сказали, что умер от острой сердечной недостаточности. Ему только сорок лет исполнилось.

– Извини, я должен был знать об этом. Но в последнее время людей то и дело перебраывают из части в часть, некогда все было... Извини.

– Да что вы, товарищ полковник, не за что извиняться, – смутился водитель.

– Ты в семье один или у тебя есть братья, сестры? – поинтересовался Куршин.

– Один.

– Так почему тебя призвали в армию? По закону ты мог получить отсрочку.

– Мог, но не захотел.

– А в Афганистан как попал? Тебя не должны были отправить сюда.

– И не хотели отправлять. Собирались в учебке оставить, только я сам напросился, чтобы в Афган послали. У нас на улице трое пацанов здесь служили в разное время. Один погиб, хорошили с почестями, двое вернулись. Вся улица встречала. Вот и я решил проситься «за речку». Командиры недолго думали, отправили. Теперь и я вернусь домой с медалью «За отвагу», а мама и Алмаст гордиться мной будут.

– Лучше бы ты остался в учебке, – еле слышно проговорил полковник.

Сержант не расслышал слов командира полка, переспросил:

– Вы что-то сказали, товарищ полковник?

– Я хотел узнать, кто это, – Алмаст?

– Это моя девушка. Очень хорошая девушка, рядом живет. Матери помогает. А красавица! Таких во всем Ереване не найти. На нее многие обращали внимание, а она выбрала меня. Письма каждую неделю пишет. Красивые письма. Ждет!

– Это хорошо, что ждет... А что означает имя Алмаст?

– Алмаст – значит бриллиант. А для меня она дороже всех бриллиантов на свете!

– Любишь?

– Люблю! А у вас, товарищ полковник, большая семья?

– У меня?

Лицо командира полка исказила гримаса.

– Нет, солдат, у меня была небольшая семья.

– Почему была, товарищ полковник?

– Почему? – вновь переспросил Куршин. Что-то дрогнуло в его душе, защемило сердце, и он, боевой командир, умевший держать себя в руках в самых тяжелых ситуациях, вдруг неожиданно для самого себя разоткровенничался перед своим бойцом, которого едва знал. – Потому что дочь два года назад, отдыхая с однокурсниками – она у меня училась в университете, – утонула в море. Заплыла слишком далеко, сил вернуться назад не хватило, а так называемые друзья, крепкие парни, и не подумали броситься спасать ее. Жена же загуляла.

– Что? Как это загуляла? – изумился водитель.

– Ты не знаешь, как загуливают бабы? Мужья в командировках, а они с хахалями в постели кувыркаются. И плевать им, что мужья на войне. Им на все наплевать, лишь бы...

Куршин замолчал.

– Странно! От вас – и загуляла... – выдержав паузу, проговорил водитель.

– И что в этом странного? – усмехнулся Куршин.

– Да вы же полковник, командир полка, в Союзе генералом станете, большой пост займете. И зарплата у вас о-го-го!

– По-твоему, полковник, генерал, маршал не такие люди, как все?

– Конечно, не такие. Вы начальник.

– Как видишь, и от начальников жены гуляют. Но прекратим этот разговор.

Тут командира полка вызвал на связь начальник охранения:

– Оляха! Я – Редут! До начала опасного участка менее километра.

– Я в курсе. Что еще?

– Разрешите мне все же выйти вперед?

– Нет! И я, по-моему, просил: спокойнее, старший лейтенант. А теперь уже приказываю. Нет резона «духам» сейчас нападать на нас, создавать себе совершенно лишние проблемы.

– Понял вас, Оляха!

Командир полка переключил радиостанцию.

...В этот момент замаскировавшийся в кустах на ближней справа от дороги высотке афганец извлек из кармана камуфлированной куртки современную японскую портативную радиостанцию:

- Абдул! Это Али. Колонна русских в восьмистах метрах от моста.
- Полковник в машине?
- Да, в «УАЗе», что идет первым. За ним БМП-2.
- Солдаты на броне или в десантном отсеке?
- На броне. Укутались в бушлаты, холодно.
- Скоро им будет ни тепло, ни холодно... За колонной больше никого нет?
- От спуска с перевала – никого.
- Хоп! Ты сделал свое дело. Отходи.

Командир группы душманов Абдул, получив сообщение разведчика, передал бойцам своего отряда, занявшим позиции на склоне холма, в близлежащей «зеленке» и в неглубокой балке на подъезде к мосту:

– Внимание! Гяуры приближаются. Всем приготовиться. Атака строго по ранее определенному плану и по моей личной команде!

Между тем колонна из «УАЗа» и БМП-2, выдерживая скорость в пятьдесят километров в час, неумолимо сближалась с мостом через реку Урдальку – неширокую, но глубокую, с сильным течением. Водитель, объехав предпоследний до реки холм, доложил:

- Вижу мост. Цел. Рядом никого.
- А кого ты хотел около него увидеть, Тофик? Отару овец с чабанами или банду душманов?
- Да нет. Хорошо, что мост цел, – значит, «духов» здесь действительно нет. Они бы подорвали мост. А искать тут переправу – дело гиблое, пришлось бы уходить на север.

Командир полка, промолчав, незаметно для водителя расстегнул кобуру и бесшумно снял пистолет с предохранителя. «Макаров» заранее был подготовлен к стрельбе, патрон находился в патроннике. Куршин достал из кармана пачку «Ростова», спросил у водителя:

- Закуришь?
- После моста, товарищ полковник!
- Дело хозяйское, а я закурю.

Бросив автоматы, свой и водителя, на заднее сиденье, Куршин прикурил сигарету. Повернул переднюю форточку. Мимоходом бросил взгляд на часы. Пока все шло по плану.

...Полевой командир из укрытия в лесном массиве внимательно следил за передвижением советской колонны. До рубежа атаки оставалось сто метров, пятьдесят, тридцать... Как только «УАЗ» миновал последний перед рекой холм, Абдул по радиостанции отдал команду своим душманам:

- Внимание! По БМП – огонь!

Два выстрела из гранатометов «РПГ-7», пущенные с обеих сторон дороги, достигли цели. Кумулятивные гранаты прожгли боковую броню боевой машины пехоты и разорвались внутри БМП. Механик-водитель, оператор-наводчик и трое солдат погибли сразу же. Остальных, контуженых и раненых, мощным разрывом боеукладки сбросило с брони. По ним открыли огонь из пулемета и автоматов. Стреляли душманы недолго. Каждый дал по две-три короткие очереди, и все стихло, только облако черного дыма начало медленно подниматься над плато. Усилившийся ветер погнал его к лесу.

Как только была подорвана БМП, водитель «УАЗа» закричал:

- «Духи», товарищ полковник!
- Быстро к мосту! – приказал Куршин. И тут же: – Стой!

Так и не поняв окончательно, какую же команду ему выполнять, Аданян сбросил ногу с педали акселератора и резко ударил по тормозам. «УАЗ», пройдя юзом несколько метров, встал.

– Почему мы остановились? – воскликнул сержант.

– Потому что приехали, – спокойно ответил Куршин.

– Что?

Полковник, достав пистолет, в упор дважды выстрелил в водителя. Сержант Аданян, дернувшись, уткнулся лицом в руль; непрерывно заработал сигнал. Куршин отбросил водителя на сиденье, и сигнал прекратился.

Убедившись, что сержант мертв, полковник проговорил:

– Не надо было тебе, Тофик, проситься в Афганистан. Теперь твоим бриллиантом будет владеть другой... Ничего не поделаешь, война!

К машине подбежал афганец в камуфлированной форме, открыл дверку со стороны старшего:

– Вы в порядке, полковник?

– В полном порядке, Абдул. – Куршин не спеша вышел из армейского внедорожника. – Всю охрану уничтожили?

– Проверяем, но мои люди стреляют метко.

Куршин обернулся. Метрах в ста от «УАЗа» догорала боевая машина пехоты. Вокруг ходили душманы, наклоняясь над телами солдат. Кто-то крикнул Абдулу:

– Саиб! Тут офицер ранен! Можем взять его с собой.

Абдул взглянул на Куршина. Полковник отрицательно покачал головой:

– Нет. Всех добить! Мне свидетели не нужны.

Абдул что-то крикнул. У останков БМП щелкнул пистолетный выстрел. Вскоре подошли боевики отряда Абдула. Один из них доложил полковому командиру:

– Все в порядке, саиб!

– Можем уходить, полковник, – взглянул на Куршина полевой командир.

– Рано.

– Но взрывы могли слышать в полку, и скоро сюда прибудет рота солдат и вертолеты.

– Конечно, прибудут, если в полку поймут, что на колонну совершено нападение.

– Вот и я говорю, надо быстрее уходить. Машины ждут нас за мостом, за деревьями.

– И далеко ты уедешь от «вертушек»? Мы и половины пути не пройдем до Бервехана, как «Ми-26» накроют нас реактивными снарядами. Нет, Абдул, нам надо выиграть время.

– Я плохо понимаю вас, полковник...

– Поэтому ты и командуешь всего лишь малочисленным отрядом. Не обижайся, каждому свое. Услышав взрывы, мой заместитель сначала попытается уточнить обстановку и вызовет на связь меня. Я ему отвечу, и он успокоится. И ни «вертушки» не вызовет, ни роту сюда не пошлет. Только когда я не выйду по графику на связь из района дислокации батальона близ Урульдака, он поднимет тревогу. За это время мы без проблем дойдем до Бервехана. А твои люди пойдут к ущелью, где их уничтожат вертолеты огневой поддержки.

– Я мог бы направить отряд в «зеленку». Там их достать вашим «вертушкам» будет сложно.

– Увы, Абдул, но придется пожертвовать твоими людьми, как я пожертвовал своими подчиненными, иначе весь план может потерпеть крах.

– Я понимаю и выполняю приказ саиба Ахмада. Но, думаю, вас все равно будут искать.

– Будут, – согласился Куршин. – Но не найдут. Надеюсь, Ахмад приготовил надежное укрытие?

– О да, господин полковник. В Бервехане вас не найдут, даже если сожгут весь кишлак.

– Сейчас не то время, чтобы жечь кишлаки.

– Но русские будут знать, что вы у нас.

– Война, Абдул, закончилась. Ну, поищут пропавшего командира полка. Придут к выводу, что меня похитили. Особисты быстренько состряпают версию мести какого-нибудь полевого командира, чей отряд был разгромлен подразделениями полка, а кишлак, где якобы находилась его семья, подвергся артобстрелу, в результате чего все родственники этого полевого командира погибли. И всё! Спишут полковника Куршина как без вести пропавшего, а позже и как погибшего накануне вывода войск из Афганистана. Ну, а затем и вовсе забудут. Да и помнить-то, по большому счету, некому! Армию ждут реформы, тут уж не до полковников будет – генералы полетят. А родственники? Их у меня не осталось. Один я теперь на этом свете, Абдул. Один как перст...

Бортовая радиостанция командирской машины сработала сигналом вызова.

– Что я тебе говорил, Абдул? – посмотрел на афганца Куршин. – Я-то знаю, как и что делается в подобных случаях.

– Да, господин полковник!

Куршин включил станцию:

– Оляха на связи!

– Я – Дон! – как и ожидалось, послышался голос заместителя командира полка. – Передовые посты охранения зоны ответственности полка доложили, что со стороны реки по направлению вашего движения к Урульдаку были слышны взрывы и недолгая стрельба. У вас проблемы, Оляха?

– Нет, Дон. Никаких проблем. Просто на холмах у реки появились архары – непонятно, каким ветром их туда занесло, – вот парни Аникина и решили поохотиться. Да сдуру со всех стволов и открыли по горным баранам огонь. Я, конечно, вздрючил Аникина за действия его подчиненных, но, сам понимаешь, они уже на Союз настроены. Сейчас куски мяса по склонам собирают. Я хотел предупредить тебя, но ты опередил. Как понял?

– Понял вас, Оляха.

– И вот что, Дон, ты об этом случае не распространяйся. Особистам скажи, что мы открыли опережающий огонь по «зеленке» – ну, вроде кто-то из бойцов Аникина заметил в лесу какое-то движение. Ясно?

– Так точно!

– Ну, вот и хорошо! И последнее, Дон. Из-за вынужденной остановки мы прибудем в хозяйство Степко на полчаса позже установленного графиком времени. Пусть он не поднимает шума.

– Я все понял, Оляха!

Куршин бросил гарнитуру радиостанции на сиденье, кивнул Абдулу:

– Жгите машину, и отход! На него у нас час времени. Это более чем достаточно.

– Слушаюсь!

По команде полевого командира душманы подожгли «УАЗ», мгновенно превратив автомобиль в огненный факел. Вся группа ускоренным шагом перешла мост через Урдальку. Куршин и Абдул устроились в переднем джипе, остальные боевики – в трех пикапах, и автомобили, сразу же набрав скорость и уйдя с дороги на Урульдак, пошли в северном направлении, огибая лесной массив по направлению к кишлаку Бербехан.

Прошло около часа после последнего сеанса связи с командиром полка. Заместитель Куршина подполковник Ивахин зашел на пункт связи штабного модуля. У радиостанции дежурила прапорщик Андреева.

– Лида, – спросил у нее заместитель командира полка, – командир не сообщал о своем прибытии во второй батальон?

– Никак нет, товарищ подполковник, – ответила девушка, – хотя уже должен был бы доехать до Урульдака.

– Обеспечь мне связь со Степко.

– Есть.

Связистка принялась вызывать командира батальона. Вскоре доложила:

– Товарищ подполковник, Степко на связи.

Заместитель командира полка принял гарнитуру:

– Бирюза! Я – Дон! Командир у тебя?

– Нет. Ждем. Слышали взрывы, похоже – выстрелы гранатометов, короткие очереди, но в штабе полка объяснили, что все в порядке. Да и вы сообщали о возможной задержке прибытия командира.

– Не нравится мне эта задержка, Бирюза. Я попытаюсь связаться с командиром, ты же оставайся на связи и быстренько подготовь на всякий случай взвод на технике для прохождения маршрута Ольхи.

– У меня всегда взвод под рукой...

– Жди! – Ивахин взглянул на связистку: – Запроси командира, Лида.

– Да, Сергей Семенович. – Девушка склонилась над радиостанцией: – Ольга! Я – Дон, как слышите, прием! Ольга! Вас вызывает Дон, ответьте... – Связистка посмотрела на Ивахина: – Станция командира молчит, товарищ подполковник.

– Попробуй связаться с командиром охранения старшим лейтенантом Аникиным.

Прапорщик переключила станцию:

– Редут! Я – Дон! Ответьте! Редут, вас вызывает Дон... Сергей Семенович, станция БМП тоже не реагирует на вызов.

– Черт возьми, что могло произойти? Я же сам разговаривал с Куршиным... Так, Лида, давай-ка мне Степко.

На вызов ответил командир второго батальона:

– Да, Дон.

– Радиостанции ни БМП, ни командирской машины на вызовы не отвечают. Высылай к мосту через Урдальку взвод.

– Есть выслать к мосту взвод!

Подполковник передал гарнитуру связистке:

– Что же произошло на марше? Почему молчат командир и начальник охранения? Ведь две радиостанции не могли одновременно выйти из строя!

– Три радиостанции, товарищ подполковник. У отделения охранения, кроме бортовой, имеется при себе еще и переносная «Р-148».

– Так надо попробовать выйти на нее!

– Она настроена на частоту бортовой станции и дублирует вызов. Аникин мог по ней ответить, если вышла из строя бортовая станция.

– Ничего не пойму...

Время тянулось медленно. И только в 9.50 на связь вышел подполковник Степко. Голос его звучал взволнованно.

– Дон! Взвод батальона прошел до моста.

– Ну!

– Колонна командира уничтожена.

– Что?! Как это уничтожена, где?

– По докладу взводного – недалеко от моста.

– Позывной твоего взводного?

– Волна.

– Я переговорю с ним. Надеюсь, ты оставил его на месте?

– Естественно. Подразделение заняло круговую оборону вокруг места гибели колонны. Ивахин крикнул прапорщику Андреевой:

– Связь с Волной, быстро, прапорщик!

Командир взвода пятой мотострелковой роты второго батальона ответил тут же:

– Волна на связи!

– Я – Дон. Что у моста?

– У холма напротив «зеленки» сожженная двумя выстрелами «РПГ-7» БМП «Редута», – ответил старший лейтенант Бизенец. – По машине били с близкого расстояния с обеих сторон, по боковой броне. В результате подрыва боеукладки машина уничтожена полностью. Рядом с ней – трупы бойцов отделения и старшего лейтенанта Аникина. Его, судя по всему, добивали. Стреляли в голову. Где-то метрах в ста от БМП – сгоревший «УАЗ». Из него вытащили труп водителя. Что интересное, по «УАЗу» огонь ни из гранатометов, ни из стрелкового оружия не велся; автомобиль подожгли, облив бензином. А самое интересное – на месте уничтожения колонны не обнаружено труп командира полка.

– В смысле?

– Нет командира. Ни живого, ни мертвого. Все, кто с ним был, есть, а его нет.

– Ты местность осматривал?

– Только в непосредственной близости от машин, проводить какие-либо дополнительные мероприятия у меня приказа не было. Сейчас взвод занимает оборону вокруг машин, используя высоты. Противника не наблюдаем. Сапер проверил дорогу до моста. Она «чиста», как и сам мост.

– Оставайся на месте, я к тебе!

– Принял, остаюсь на месте.

Замкомандира полка вызвал в штабной модуль командира разведывательной роты и приказал:

– Готовь, капитан, взвод на выход.

К Ивахину вошли заместитель командира полка по политической части и старший оперуполномоченный особого отдела.

– Что за суета, Сергей Семенович? – недоуменно спросил замполит.

– «УАЗ» командира и БМП охранения при перемещении в район сосредоточения второго батальона попали в засаду. Машины сожжены, личный состав уничтожен.

– А полковник Куршин?

– Он исчез.

– Исчез? – переспросил особист. – Значит ли это, что его похитили?

– Не знаю. Командир взвода, высланный от Степка к реке, доложил то, что я вам сообщил. Разведчики получили приказ подготовить взвод; будем разбираться на месте, что произошло и куда мог деться командир полка.

Желание выехать к месту чрезвычайного происшествия изъявили и замполит с особистом. Впрочем, они обязаны были сделать это. Колонна разведвзвода и «УАЗ» со старшими офицерами полка подошли к участку нападения на автомобиль командира и сопровождавшую его боевую машину пехоты в 10.40. Прибывших встретил старший лейтенант Бизенец. Разведчики старшего лейтенанта Иванова тут же, не останавливаясь, пошли к БМП в сторону «зеленки», за холмы, к мосту. Заместитель командира полка подполковник Ивахин, замполит майор Турилов и особист капитан Растуб подошли к сгоревшей БМП.

– Мы тут осмотрели местность, обнаружили позиции гранатометчиков, – доложил Бизенец. – «Духи» стреляли от валуна у холма с юга и из небольшой балки с севера. Двумя выстрелами подорвали машину. Механик и наводчик сгорели внутри, еще двух-трех бойцов убило сразу. Остальных сбросило с брони, и их, контуженых, расстреляли с обеих сторон. Аникин, скорее всего, был ранен; он пытался отползти от БМП, но «духи» добились его. Наши, судя по

полным магазинам и отсутствию гильз, огня по противнику не открывали. Видимо, просто не успели.

– Что с машиной Куршина? – спросил особист.

– А вот там, товарищ капитан, непонятка...

– Что значит «непонятка»?

– По «УАЗу» «духи» огня не вели. Между тем водитель был застрелен из «ПМ» двумя выстрелами в упор со стороны старшего машины, то есть со стороны, где находился командир полка.

– Идем к «УАЗу», – приказал Ивахин.

Офицеры прошли к сожженному армейскому внедорожнику. Рядом с остовом лежал сильно обгоревший труп водителя.

– Сержант Аданян, – проговорил Ивахин, – лица огонь почти не задел. – Он повернулся к Бизенцу: – Как определили, что в него стреляли с места старшего машины?

– На теле два пулевых ранения – одно в шею, другое в легкое. Первое ранение уже было смертельным. К тому же мои ребята нашли две гильзы от патронов пистолета «ПМ».

– Но не Куршин же стрелял в солдата? – воскликнул замполит.

– Непонятно, почему автоматы и водителя, и командира полка оказались на заднем сиденье, – задумчиво проговорил особист. – По крайней мере, у Куршина при прохождении потенциально опасного участка дороги автомат должен был быть в руках. Тем более когда «УАЗ» пытался выйти из зоны обстрела. А он пытался. До БМП около ста метров, дистанция же на марше должна была быть не более сорока. Значит, первой «духи» обстреляли БМП. Водитель «УАЗа» рванул вперед, но через сто метров почему-то остановился. Почему? Может, ему пробили скаты?

Ивахин покачал головой:

– Скаты – ерунда, машина и на ободах ушла бы за реку. И потом, у Куршина было достаточно времени сообщить в полк о нападении. Однако и после того, как дозоры передового охранения доложили о доносящихся из-за перевала взрывах и стрельбе, он не сделал этого. Пришлось мне первому выходить на связь. Куршин ответил, что мы слышим взрывы от выстрелов гранатометов бойцов отделения сопровождения. Будто солдаты увидели на холме архаров и ударили по ним и из «РПГ-7», и из автоматов. Командир также добавил, что после выстрелов бойцы пошли собирать куски мяса, и просил сообщить Степко о задержке прибытия в батальон.

– Ерунда какая-то! – проговорил особист. – Во-первых, откуда здесь архары? Во-вторых, солдаты Аникина без разрешения огня не открыли бы, а сам Аникин такой команды отдать не мог. И в-третьих, очень странно, что Куршин докладывал о какой-то непонятной охоте после того, как – теперь уже очевидно – и он сам, и БМП охранения попали в засаду «духов». Более чем странно... Или на связь выходил не командир полка? – Растуб взглянул на заместителя командира полка: – А, Сергей Семенович? Вы точно разговаривали с полковником Куршиным?

– Знаешь, капитан, – раздраженно ответил подполковник, – мы с Куршиным вместе год воюем, с того момента, как его назначили командиром полка, и общались по связи не одну сотню раз. Уж поверь мне, чей-то чужой голос я сумел бы отличить от голоса командира.

Слово вставил замполит:

– Но тогда, товарищи, что получается? После расстрела БМП и устранения водителя Куршин специально ввел в заблуждение своего заместителя? И, значит, это он убил сержанта Аданяна? Но это же чушь собачья!

– Могло все быть и по-другому, – сказал особист. – «Духи» внезапно атаковали колонну, сожгли БМП. Водитель «УАЗа» пытался уйти из зоны обстрела в надежде или по команде Куршина прорваться к батальону Степко, но в спешке, отойдя от горящей БМП, нажал вме-

сто педали газа на педаль тормоза. Такое часто бывает и с более опытными водителями, особенно когда жизни реально грозит смертельная опасность. Резкая остановка помешала Куршину взять автомат. «Духи» вышли к машине, вытащили командира, обезоружили его и из его же пистолета застрелили совершенно не нужного им водителя. Потом они заставили Куршина ответить подполковнику Ивахину по связи об охоте на архаров, понимая, что взрывы и стрельбу наверняка слышали и в полку, и в батальоне Степко. После чего добились раненых, в частности, старшего лейтенанта Аникина, и увели Куршина к ожидавшему «духов» транспорту. «УАЗ» сожгли по-тихому, облив бензином, потому что если в полку и батальоне услышали бы еще взрывы при расстреле машины из гранатометов, то это обосновать Куршину было бы сложнее. Что сразу же вызвало бы подозрения и у подполковника Ивахина, и у подполковника Степко. Могло быть и так, если, конечно... Куршин действительно не сам решил переметнуться к «духам» и не участвовал в этом кровавом спектакле.

– Да ты что, капитан, – воскликнул Ивахин, – командира не знаешь? Да чтобы он переметнулся к «духам»?! После того, как жестко, а порой и жестоко воевал с ними? Не забывай, он был награжден тремя боевыми орденами!

– Я лишь высказал предположение, – спокойно, без эмоций произнес особист.

– А вот не надо подобных предположений, капитан!

– А вот это, подполковник, не вам решать, – повысил голос Растуб. – Не забывайте, что я не ваш подчиненный и представляю в полку Комитет государственной безопасности. И обязан узнать, был ли пленен полковник Куршин или перешел к противнику по собственной воле. Обязан!

Замполит встал между Ивахиным и Растубом:

– Ну, чего завелись? Боюсь, мы ничего не узнаем. Свидетелей происшествия «духи» в живых не оставили. А полковнику Куршину не было никакого резона уходить к «духам». В Союзе его ждала должность начальника штаба дивизии, Академия Генерального штаба, генеральские погоны... А что у душманов? Прислуживание какому-нибудь полковому командиру? Жизнь в чужой стране? Уж его моджахеды не передали бы в Красный Крест и не предоставили права уехать в любую страну мира. Заставили бы работать на себя. И Денис Владимирович все это прекрасно понимал. Мое мнение: его насильно захватили душманы и ради этого организовали целую акцию, узнав, между прочим, когда и куда поедет командир полка. Вот с чем, – замполит выразительно посмотрел на особиста, – тебе, Евгений Андреевич, следовало бы разобраться. А Куршин... Не исключено, что его похитили, дабы отомстить за тех бандитов, что были уничтожены полком, которым он командовал.

– Разберемся, – проговорил особист. – Во всем и со всеми разберемся.

– Если у тебя будет на это время, – невесело усмехнулся майор Турилов.

– Так! – сказал заместитель командира полка. – Надо в штаб дивизии о произошедшем доложить. А уж потом разбираться во всем и со всеми!

Он подошел к БМП разведроты и приказал связисту:

– Связь с командиром дивизии, срочно!

Молоденький, слегка перепуганный ефрейтор ответил:

– Я могу только на полк выйти, товарищ подполковник...

– Давай полк!

Прапорщик Андреева ответила незамедлительно:

– Дон на связи!

– Это Дон-2, мне необходима связь с командиром дивизии.

– Извините, но напрямую соединить вас я не могу.

– Тогда передай Грифу, что у нас чрезвычайное происшествие. Попроси связаться с Волной.

Радиостанция БМП разведывательной роты сработала спустя три минуты.

– Волна на связи! – ответил Ивахин.

– Это Гриф! Что у вас за ЧП?

Заместитель командира полка доложил о нападении на колонну командира полка и исчезновении полковника Куршина.

– Что?! – рывкнул комдив. – Вы с ума там все сошли? Как это Куршин пропал?

– Я же объяснял, Гриф, БМП сопровождения и «УАЗ» командира сожжены, личный состав, включая водителя командирской машины, уничтожен.

– А что означает странный ответ Куршина о какой-то охоте? Архарах, черт бы их побрал?

– Не знаю! Разбираемся. Думаю, если командира похитили, заставив нести во время сеанса связи всякую чушь, то «духи» далеко уйти не могли.

– Какого же хрена ты, подполковник, повелся на эту чушь? Почему сразу не отправил по маршруту дополнительные силы?

– Командир запретил. Но, повторяю, «духи» далеко уйти не могли. Я жду вашего разрешения на привлечение разведывательной и одной из мотострелковых рот к зачистке района, а также прошу выделить пару вертолетов «Ми-26».

– А звено штурмовиков тебе не подбросить?

– Почему вы так разговариваете со мной, товарищ генерал? Решение об инспекции батальона командир согласовал с вами, с вашего разрешения поехал к Урульдаку.

– Ладно, Сергей Семенович, – комдив сбавил тон и окончательно перешел на переговоры открытым текстом, – извини, погорячился. Но никаких поисковых мероприятий я тебе разрешить не могу.

– Позвольте узнать, почему?

– Да потому, что час назад получил приказ послезавтра начать выдвижение частей соединения к Термезу. Я, конечно, доложу командующему о происшествии с Куршиным, но не думаю, что нам позволят нарушить график вывода войск, который, как тебе известно, должен завершиться не позднее 15 февраля сего года. Впрочем, до вечера, до 16.00, время на поиски теми силами, что уже находятся в районе засады, у тебя есть. Но дадут ли они результат? Сомневаюсь.

– Получается, мы бросим командира полка?

– Ну что ты мне на нервы давишь? Я и так тут как на пороховой бочке... И дел невпроворот с этим выводом... Раньше мы всю провинцию на уши поставили бы. Но сейчас же должны выполнять приказ партии и правительства. Куршиным же в любом случае займется КГБ. В общем, так: до 16.00 делай что хочешь имеющимися в твоём распоряжении силами. Ровно в 16.00 все подразделения, включая и батальон, выдвинутый для прикрытия ущелья, должны находиться на базе у Тайзаба, о чем докладываешь мне. В те же 16.00 я уточню тебе задачу на подготовку полка, которым с этого момента командуешь ты, к маршу до Термеза. Как понял меня?

– Понял вас!

Комдив отключил станцию. Исполняющий обязанности командира полка Ивахин передал гарнитуру связисту:

– Держи связь с полком, солдат!

Он вернулся к офицерам штаба и довел до них суть разговора с комдивом.

– Вот так! И что мы сможем сделать до 16.00?

Замполит сплюнул на песок:

– Ничего существенного. От силы два-три близлежащих кишлака зачистить. Но «духи» не идиоты держать в них Куршина. Наверняка они уже вытащили его за пределы провинции.

Подъехали БМП взвода разведывательной роты – три машины, четвертая оставалась на месте нападения. Из первой вылез командир взвода старший лейтенант Иванов, подошел к Ивахину:

– Разрешите доложить о результатах проведенной разведки?

– Докладывай, что вы там нашли.

– Во-первых, определено место, где как минимум сутки располагалась банда «духов» штыков в двадцать. Это в «зеленке», на лужайке. Обнаружены позиции, с которых душманы вели огонь по БМП. Главное же – мы нашли следы стоянки четырех автомобилей, предположительно внедорожников или пикапов иностранного производства.

– И где была эта стоянка?

– Недалеко от моста, за рекой, слева. Легковухи пошли на север в сторону... – старший лейтенант взглянул на карту, – в сторону кишлаков Бервехан, Арихель и далее еще нескольких мелких населенных пунктов. Мы можем организовать преследование. Но необходим хотя бы один вертолет, чтобы засечь эту душманскую колонну. Тогда она от нас не уйдет!

На территории полка стоял «Ми-8», предназначенный в основном для срочной эвакуации раненых, нуждающихся в срочной медицинской помощи, которая не могла быть им оказана в полковом медицинском пункте. На пилонах «вертушки» были закреплены кассеты с неуправляемыми реактивными снарядами. Ивахин принял решение:

– А ну-ка, Олег, – он взглянул на командира разведывательного взвода, – связь с полком мне! И старшего лейтенанта Бизенца сюда!

– Ты что задумал, Сергей Семенович? – встревоженно спросил у Ивахина замполит.

– У нас есть время до 16.00, вот и воспользуемся им. Хотя бы совесть будет чиста.

– Ты хочешь организовать поиски банды? Но это же бесполезно. «Духи» уже далеко.

– «Вертушка» догонит, а у нее есть чем угостить «духов».

– Ты решил использовать санитарный борт?

– Я решил сделать все, что возможно, дабы попытаться вернуть Куршина. А ты давай займись телами погибших, вызови из полка «Урал». В ремроту передай, чтобы «цинки» готовили. Все, занимайся, Владимир Алексеевич. – Ивахин взобрался в БМП, принял гарнитуру радиостанции: – Дон? Я – Первый. Да, ты не ослышалась, с этого момента я – Дон-1! Срочно свяжи меня с командиром экипажа «Ми-8».

– Но где его найти?

– Передай дежурному по полку, чтобы послал посыльных. Майор Белов нужен мне немедленно!

– Я все поняла. Ожидайте! – ответила прапорщик-связист.

– Давай быстрее, Лида!

Уже через две минуты в эфир вышел командир экипажа «Ми-8»:

– Да, Дон-первый!

– Слушай меня внимательно, Сокол...

Еще три минуты заняла постановка задачи летчику.

– Твое направление – Бервехан, Арихель и далее до обширного лесного массива у Большого перевала. Параллельно в том же направлении пойдут взвод второго батальона и две машины взвода разведроты. Позывные их знаешь, поддерживай с ними связь.

– А смысл гонять БМП, Первый? Нас им не догнать. А если обнаружим колонну «духов», то справимся с ней сами! Я посажу взвод Картавина, и прижмем «душков», если найдем.

– Добро! Но если обнаружишь технику в кишлаках, огня не открывать; высади взвод Картавина, пусть он закольцует селение, и доклад мне. Я отправлю к вам разведчиков и ребят Степко.

– Принял! Выполняю!

– В темпе, Сокол, в темпе!

Колонна душманов добралась до предместий селения Бервехан без проблем, используя фору по времени, которую они получили благодаря тому, что полковник Куршин ввел в

заблуждение командование полка. У холма, где дорога разветвлялась, колонну встретил старенький «Форд». В него быстро пересел бывший советский офицер. Полевой командир Абдул подозвал к себе помощника:

– Мохаммед, ты ведешь колонну дальше по плато до лесного массива у Большого перевала.

– Но мы, саиб, – озабоченно проговорил Мохаммед, – можем попасть под русскую авиацию. Ведь весть об исчезновении полковника наверняка уже дошла до штаба советской дивизии. И русское командование вряд ли оставит этот случай без внимания.

– Если бы русские просчитали вариант с похищением Куршина, то их вертолеты уже барражировали бы над плато и близлежащими кишлаками, да и из полка выслали бы погоню, – успокоил помощника Абдул. – Мы оставили достаточно много следов, чтобы можно было определить, в каком направлении мы отходим. Но русские потеряли время, и, я уверен, вы благополучно дойдете до «зеленки», где спокойно укроетесь, бросив машины. А наутро по моей команде выйдете в район, который я вам укажу. И дальше мы все вместе пойдем в Пакистан, где ждут Куршина.

– На словах все легко...

– Ну, если ты и дальше намерен рассуждать, а не действовать, то тогда русские действительно вполне могут зацепить вас на плато. И потом, Мохаммед, по-моему, ты забыл, сколько денег заплачено лично тебе за проведение операции по встрече Куршина.

– Я помню, сколько мне заплатили.

– Тогда не теряя времени, и да поможет тебе всевышний.

– Я все понял.

– Вот и хорошо. Веди колонну к перевалу!

– Слушаюсь! Один вопрос. Когда завтра утром ожидать сеанса связи с вами?

– Ты сам же отвечаешь на свой вопрос. Утром. Точное время сейчас я указать не могу. Решение по отходу в Пакистан будет принимать саиб Ахмад.

– До встречи, Абдул.

– До встречи, мой верный Мохаммед!

Помощник полевого командира подбежал к внедорожнику, и колонна душманов двинулась по левой от развилки дороге на открытое плато.

Абдул прошел к «Форду» и сел на место переднего пассажира, поприветствовав водителя, одного из ближайших помощников полевого командира Ахмада, в чьем подчинении состоял Абдул.

– Салам алейкум, Али!

– Вааллейкум ассалам, Абдул! Мы можем ехать?

– Надеюсь, Ахмад готов к нашей встрече?

– Ты задаешь странный вопрос. Конечно, готов.

С заднего сиденья подал голос Куршин:

– Абдул, ты отправил людей на плато?

– Да, как и было оговорено.

– А твой помощник не спрячет колонну в ближайшем кишлаке?

– Ближайший кишлак – Бервехан. Мохаммед выполнит приказ. – Абдул кивнул водителю: – Едем, Али!

«Форд» направился правой дорогой к селению Бервехан и уже через десять минут въехал во двор самого большого дома кишлака. Али отогнал машину в сарай, приспособленный под гараж. Из дома вышел полевой командир душманов Ахмад Курдани, которого подчиненные называли Курд. Он развел руки в стороны, подобие улыбки образовалось на бородатой физиономии:

– Я рад приветствовать вас в своем жилище, полковник.

– Я тоже рад видеть тебя, Ахмад.

Куршин пожал руку бандиту, на счету которого было немало загубленных жизней советских солдат, в том числе и его подчиненных.

– У тебя большой дом, Ахмад, красивый сад...

– В Пакистане, полковник, у меня еще больший дом и более красивый сад. Там же и большая семья, здесь же только старшая жена и наложницы. Мужчина не должен испытывать недостатка в женских ласках...

– Кстати, о женщинах. Моя просьба выполнена?

– Конечно, уважаемый Денис Владимирович, ваша бывшая супруга в доме, в подвале. Ее вчера доставили из Кандагара.

– Как вам удалось вытащить ее из Союза?

– Это было трудно, но для нас нет ничего невозможного. Она отдыхала на Черноморском побережье Кавказа вместе со своим новым мужем, бывшим любовником. Они ушли в горы кататься на лыжах и... не вернулись. Несчастный случай, – Ахмад рассмеялся, обнажив редкие, почерневшие зубы. – Такое в горах бывает. Труп господина Ропнина обнаружен в ущелье. Труп вашей бывшей супруги, естественно, не найден. В тот день вниз сошла лавина, и отыскать женщину было невозможно.

– Лавина, конечно, сошла случайно?

– Конечно, уважаемый полковник, – вновь рассмеялся Ахмад. – Жизнь вообще полна случайностей...

– Как эту стерву переправили через границу?

– Здесь пришлось потрудиться. Ее вытащили через Туркмению, где граница охраняется не так сильно, как в других местах.

– Хорошо! Значит, она в подвале?

– Да, полковник.

– Знает, почему ее похитили?

– Нет. Вы же сами просили ни во что ее не посвящать.

– Отлично!

– Но что же мы стоим посреди двора? – снова развел руки в стороны Ахмад. – Прошу в дом, полковник. Вас ждет сытный обед, хорошее вино – то, которое вы предпочитаете всем прочим. Ну, и встреча с бывшей женой. Подвал оборудован под спальню, которая легко превращается в камеру пыток...

– Хоп, Ахмад! А вот и авиация. Добился-таки Ивахин разрешения на поиск похищенного коварными душманами командира... Впрочем, это санитарный борт. Значит, в дивизии заместителю отказали в выделении дополнительных сил. И это хорошо. Но Ивахин, кроме вертолета, обязательно выйдет на зачистку ближайших кишлаков как минимум пару взводов. И совсем скоро БМП с солдатами войдут и в Бервехан.

Вертолет, пройдя рядом с селением, пошел над плато.

– Мохаммед не успеет добраться до «зеленки», – проговорил Абдул, – а «вертушка» имеет на пилонах кассеты с реактивными снарядами.

– Ты жалеешь о своих людях?

– Жалеть смысла нет, я буду молиться за их души.

– Вот это верно. Нам надо подготовиться к зачистке Бервехана.

– У нас нет причин волноваться, – улыбнулся Ахмад. – Ваши солдаты никого и ничего не найдут в кишлаке. Даже старого ружья. Бервехан – мирный кишлак, а я представляю здесь законную власть Кабула.

– Даже так? – усмехнулся Куршин. – Неплохо устроился, Ахмад. Умудряешься двух маток одновременно сосать?

– Не понял...

– Поговорка у нас есть такая... Но ты пригласил в дом, а отказываться от приглашения невежливо.

Полевые командиры и полковник прошли в большую комнату первого этажа. До зачистки селения подразделениями полка обед решили не подавать. Куршина проводили в потайную комнату обширного подвала дома Ахмада, по соседству с которой находилась прикованная к кровати его бывшая супруга. Беглец прилег на топчан. Ахмад же остался в большой комнате ждать непрошенных гостей.

Глава вторая

Афганистан, окрестности селения Бервехан, январь 1989 года

Колонна с душманами под командованием Мохаммеда Гарабзана шла по плато на максимально возможной скорости. Впереди, в каком-то километре, хорошо просматривался лесной массив у подножия перевала. Еще немного, и бандиты скроются в «зеленке». Но вертолет «Ми-8» майора Белова оказался быстрее. В 12.50 командир экипажа вызвал по связи исполняющего обязанности командира полка.

– Первый! Я – Сокол, как слышите?

– Слышу хорошо! Что у тебя? – откликнулся Ивахин.

– Вижу колонну из джипа и трех пикапов, в них моджахеды. Это те «духи», что уничтожили наших ребят, я шел по их следу. Колонна находится в непосредственной близости от лесного массива и на полной скорости идет к нему. Еще немного, и «духи» скроются в лесу, где достать их я не смогу. Разрешите атаковать противника?

– В одной из машин должен быть полковник Куршин.

– Он наверняка в головном джипе.

– Скорее всего, но не обязательно... Впрочем, у нас нет времени. Слушай приказ. Реактивными снарядами накрываешь пикапы, джип же предупредительным огнем отсекаешь от леса, заставляешь остановиться и высаживаешь ребят Картавина; они разберутся с «духами» в джипе, возможно, обнаружат Куршина. Как понял меня?

– Понял! Приступаю к выполнению.

«Ми-8» прошел в стороне от душманской колонны до лесного массива, развернулся над «зеленкой» и пошел навстречу бандитам. Появление русского вертолета явилось для них неожиданностью, но Мохаммед был опытным командиром. Он отдал приказ автомобилям разойтись в разные стороны по плато, открыв огонь по вертолету. Мохаммед все сделал верно: одиночные мобильные цели, ведущие огонь, уничтожить с воздуха гораздо сложнее, нежели колонну. Однако водители внедорожников на мгновение замешкались. И это мгновение стоило им жизни. «Ми-8» ударил с двух кассет по не успевшей рассыпаться колонне боевиков. Реактивные снаряды точно легли в пикапы, мгновенно превратив их в автомобили, и находящихся в них душманов в одно пылающее месиво.

Уничтожив три пикапа и не нанеся ущерба джипу, майор Белов вновь развернул вертолет и повел его за уходящим джипом. Первая очередь пулемета подняла крупные фонтаны земли перед внедорожником. Вторая вздыбила пыль сзади, пробив задние колеса автомобиля. Джип душманов резко остановился. «Ми-8» опустил на плато, с его борта на землю высыпали бойцы взвода старшего лейтенанта Картавина, тут же взяв в кольцо подбитый джип. Мохаммед понял, что обречен, но сдаваться не собирался. Как и водитель. Понимая, что советским солдатам ничего не стоит подорвать джип из гранатомета, они выскочили из автомобиля и укрылись за ближайшим валуном спиной к спине, открыв плотный огонь по приближавшимся бойцам. Картавин тоже не первый год воевал в Афганистане, и беречь людей научился. Он отдал приказ, и подчиненные залегли. Командир взвода осмотрел через оптику джип, подозревал к себе связиста:

– Сережа, связь мне с Первым!

– Есть связь с Первым!

Спустя полминуты он подал офицеру гарнитуру радиостанции.

– Первый! – запросил Картавин. Я – Каштан. Закольцевали «духов», находившихся в головном джипе. Они ведут огонь, мы отвечаем понемногу. Уничтожить можем в любую минуту.

– Полковник Куршин не обнаружен?

– Никак нет! В джипе его нет.

– Может, он, связанный, лежит на полу и ты его не видишь?

– Может быть, это несложно проверить. Но прежде придется завалить обороняющихся «духов». Они рядом с джипом. Подойти и посмотреть машину, не попав под огонь этих моджахедов, мы не сможем.

– Если Куршин в автомобиле, «духи» нам не нужны. Но если его там нет, те, кто находился в джипе, не могут не знать, куда делся командир полка. И в этом случае их надо брать живыми.

– Так какой будет приказ, Первый?

– Определить, находится ли в джипе полковник Куршин. Если нет, «духов» пленить!

– И как вы это себе представляете?

– А мне не надо ничего представлять. Ты получил приказ, так выполняй его, действуя по обстановке! Всё! О результатах немедленный доклад мне. Отбой.

– Охренительно! – сплюнул взводный. – Действуй по обстановке... А если ничего не ясно?.. Сережа, сержанта Магомедова ко мне! Мухой!

Подполз командир первого отделения сержант Магомедов. Настоящее имя командира отделения было Гейдар, но все в роте называли его на русский лад – Геной.

– Слушай меня, Гена. Нам надо проверить джип до того, как принять решение по отстреливающимся «духам». В нем может находиться командир полка. Если он там, «духов» валим, полковника освобождаем.

– А если в машине пусто? – спросил Магомедов.

– Хороший вопрос... Тогда придется брать «духов» живыми, чтобы узнать, куда делся Куршин.

– Понятно! Непонятно лишь, как подойти к джипу. «Духи» бьют по кругу, и патронов у них, видать, много...

– Значит, делаем так: отводим наших ребят на фланги, чтобы и под пули своих не попали, и имели возможность приземлить «духов», если те, пользуясь моментом, попытаются пойти на прорыв к «зеленке». Затем ты со своими парнями открываешь ураганный огонь по позиции противника, чтобы они из-за вала в эту сторону и носа высунуть не смогли. А я тем временем проберусь к джипу. Да только смотрите, меня не подстрелите! Обидно будет в конце войны словить пулю, да еще от своих...

– Это да!

– Двигай к отделению, ставь задачу, огонь по моей команде!

– Есть, товарищ старший лейтенант.

Отправив сержанта, взводный подозвал к себе связиста:

– Сережа, передай по команде приказ сержанту Киневу, чтобы разделил отделение и частями отошел на левый и правый фланги.

– «Коридор» для духов делаем? – поинтересовался связист.

– Да. На небеса... Действуй быстро!

Вскоре сержант-связист доложил:

– Наши отошли с восточных позиций на фланги.

– Отлично! Сейчас ребята Магомедова откроют огонь по позиции «духов», а я двину к джипу. Ты прикрываешь меня. Вопросы? Нет вопросов. Магомедов! – крикнул командир взвода в сторону расположения первого отделения. – По позиции противника огонь!

И тут же по валуну и всей прилегающей к нему территории ударили автоматы мотострелков.

...Мохаммеду пришлось укрыться, вжаться в землю. Как и водителю внедорожника.

– Шайтан бы побрал этих русских! – выругался душман. – Они решили осмотреть джип.

Водитель повернул голову к помощнику Абдула:

– Не найдя там своего полковника, они будут брать нас.

– Другого выхода у неверных нет.

– Они заставят нас говорить, Мохаммед! А потом убьют.

– Хорошо, если убьют... Хуже, если отпустят. Нам не простят, если мы сдадим Абдула и Ахмада.

– Что же делать, Мохаммед?

– Умереть во славу всевышнего.

– Но я не хочу умирать.

– И я бы предпочел еще пожить, но попадать живыми в руки русских нам нельзя.

– Абдул не мог не знать, что у русских в полку есть вертолет и что его обязательно поднимут, обнаружив похищение полковника. Значит, он всех нас специально подставил под русских, чтобы самому спокойно уйти с полковником к Ахмаду. Он пожертвовал нами, как баранами...

– Что ты хочешь этим сказать, Саид?

– А то, что надо сдаться и все рассказать русским. Они нас не расстреляют, спрячут. Мы же поможем им...

– После того, как уничтожили их БМП и всех солдат сопровождения полковника? Нет, Саид, нас не пощадят. Ни свои, ни гяуры. Так что готовься достойно умереть.

– А я не желаю. Ты умирай, а я сдамся.

– Не надо было тебе этого говорить...

Из-под живота Мохаммед выстрелил из пистолета в голову водителя. Саид умер мгновенно. Мохаммед же попытался выглянуть из-за валуна, но пули не дали ему сделать этого.

...Тем временем старший лейтенант Картавин добрался до внедорожника. Открыл заднюю дверь. Автомобиль был пуст. Офицер сплюнул в пыль:

– Твою мать! Теперь надо брать «духов» живыми.

Тут он услышал слабый хлопок на фоне грохота автоматных очередей.

– Это еще что за игрушки?

Но искать ответа на свой вопрос у командира взвода не было времени. Рукой он подал сигнал сержанту Магомедову. Подчиненное ему отделение прекратило обстрел позиции «духов». Одновременно к валуну, до которого было не более десяти-пятнадцати метров, бросился командир взвода. Он был ближе всех к боевикам, поэтому рискнул с ходу решить поставленную задачу. И чуть было не стал жертвой собственного порыва. На подходе к валуну, за земляной глыбой грянул взрыв, опрокинувший старшего лейтенанта на спину. К позиции душманов подбежали солдаты взвода. Над Картавиным склонился связист:

– Вы ранены, товарищ старший лейтенант?

– А хрен его знает! Голова кружится... Ты погляди, как там ноги, руки...

– Да вроде все нормально, крови не видно. Вас контузило.

– Это я и без тебя понял... Черт! Как же голова болит... Помоги достать аптечку.

Связист протянул офицеру свою боевую аптечку – небольшой оранжевый короб со спецпрепаратами. Картавин проглотил темно-красную ампулу, поднялся, отряхнулся. Из-за полуразрушенного валуна вышел сержант Магомедов.

– Ну что там, Гена? – спросил взводный.

– Вам повезло, товарищ старший лейтенант. Еще пара шагов, и «дух» наспиговал бы вас осколками.

– Он подорвал себя и подельника?

– Только себя. Подельник убит из пистолета выстрелом в голову. Видно, не хотел подыхать, вот корешок его и замочил перед тем, как самому подорваться.

– Вот сука бородастая! Все испортил... И толку, что мы гонялись за этой колонной? Куршина в джипе нет.

– А может, «душки» пересадили его в один из пикапов?

– Да? Это мысль. А ну, передай команду всем: осмотреть то, что осталось от машин и от находившихся в них людей. Задача – искать труп Куршина. И живет, ребята, живет! У вертолета запас топлива ограничен. Не думаю, что у кого-то есть желание топтать до дороги к полку пешком.

Осмотр сожженных пикапов ничего не дал. Старший лейтенант Картавин приказал связисту вызвать подполковника Ивахина.

– Первый на связи! – ответил тот.

– Докладываю: в колонне, что уходила в сторону «зеленки» у Большого перевала, полковника Куршина не было.

– Его не было в джипе?

– Ни в джипе, ни в пикапах. Мои ребята осмотрели все, внедорожник осмотрел лично.

– Надеюсь, «духов», что находились в джипе, вы взяли?

– Нет.

– Что значит «нет»?! Я же приказывал!..

– Вы приказывали, я выполнял приказ. И хотел взять «духов». Но один из них пристрелил своего подельника, а затем подорвал себя гранатой. Чуть было меня на тот свет с собой не прихватил.

– Вот как? Не пожелал «дух» сдаваться? Странно, обычно они складывали оружие, осознавая бесполезность сопротивления...

– Только не в нашем случае.

– Я понял тебя. Плохо! Где вертолет Белова?

– Недалеко, над плато кружит.

– Связывайся с ним, пусть садится, забирает вас – и в полк.

Подполковник Ивахин отключил радиостанцию.

– Что у Картавина? – спросил особист.

– Пустышка! В колонне, уходящей к перевалу, полковника Куршина не было. Картавин доложил, что все проверил лично.

– Значит, эта колонна осуществляла отвлекающий маневр, – проговорил замполит.

Исполняющий обязанности командира полка раскрыл карту:

– Так, что мы имеем? Где Куршина могли пересадить в другую машину?

Особист ткнул пальцем на развилку:

– Здесь! Самое удобное место. Неизвестный полевой командир, проводивший операцию по захвату командира, только здесь мог и сам уйти из колонны, и увести с собой Куршина. А их там наверняка поджидала машина. Колонна была отправлена на плато как подстава, чтобы увести за собой преследование, а Куршина тем временем увезли по другой дороге. И идет она до кишлаков Бервехан и Арихель. Это ближайшие селения. «Духи» могли утащить полковника и дальше, и не обязательно в населенные пункты. Но кишлаки, считаю, зачистить необходимо.

– Только это нам и остается, – кивнул Ивахин. – На большее, увы, комдив времени не выделил. Так! – Он повернулся к замполиту: – Ты, Владимир Алексеевич, бери взвод Бизенца и двигай в Арихель, обходя первое селение; ну а мы с капитаном Растубом и взводом разведчиков пойдем в Бервехан. Подход и зачистка до пятнадцати часов. В 15.00 всем закончить работу и начать выдвижение к месту постоянной дислокации. Технику в селение не вводить. Проверить каждый дом, каждое подсобное помещение, мечети, лавки. Особое внимание под-

валам. С местными жителями не церемониться, но и не беспредельничать. В случае обнаружения боевиков громить кишлаки к чертовой матери из пушек БМП. Задача ясна?

Замполит утвердительно кивнул.

– На подготовку к выдвижению десять минут. В 13.20 первым уходит взвод старшего лейтенанта Бизенца, за ним с интервалом в пятнадцать минут – взвод Иванова. Связь держим по необходимости. И, повторяю, работаем до 15.00. После чего, независимо от результатов, отход в полк самостоятельно!

– Ну, а если мы, скажем, в 14.30 обнаружим банду «духов» в Арихеле? – спросил замполит. – И вынуждены будем вступить в бой?

– Ты, Володь, невнимательно меня слушал. Я же сказал: в случае обнаружения противника громить кишлак из пушек БМП.

– А Куршин?

– А Куршина освободить! Но мы все прекрасно знаем, что ни в Арихеле, ни в Бервехане никого не найдем. Ни Куршина, ни «духов». Просто мы обязаны зачистить селения. Сделать все, что в наших силах. Хотя бы для отчета комдиву.

Особист покачал головой:

– Да, наш уважаемый товарищ Куршин наверняка уже за пределами провинции. Вопрос, взяли ли его силой или он сам ушел к «духам», остается открытым. И вот его нам надо прояснить при зачистке селений. Хотя шанса получить достоверную информацию практически нет... Ладно. Посмотрим, что ждет нас в кишлаках.

В 13.20 от реки вперед к развилке пошел взвод старшего лейтенанта Бизенца, который вел заместитель командира полка по политической части. В 13.35, точно по графику, за ним двинулись две БМП взвода разведывательной роты старшего лейтенанта Иванова с подполковником Ивахиным и капитаном Растубом на броне головной машины. Поиск пропавшего командира полка продолжался, но носил уже формальный характер. И только особист полка имел неформальную цель. Ему, как чекисту, было не столь важно, найдется ли полковник Куршин, – об этом Растуб особо и не переживал. Старшему оперуполномоченному особого отдела при войсковой части необходимо было выяснить, не переметнулся ли полковник Куршин к «духам» по своей воле. В этом состояла его служба: «копать» под всех и вся, находить то, что следовало найти, обеспечивая тем самым безопасность государства в масштабах деятельности мотострелкового полка, надзирать за которым особист и был поставлен. Взводы затратили на выдвижение двадцать минут и в 13.40 и 13.55 соответственно окружили боевыми машинами пехоты афганские кишлаки Арихель и Бервехан.

Услышав разрывы реактивных снарядов, Ахмад и Абдул спустились в убежище Куршина.

– Русский вертолет обстрелял колонну Мохаммеда, – сказал Абдул. – Если он не успел добраться до зеленого массива у Большого перевала, то ему, как и всем остальным воинам отряда, конец.

– А если Мохаммед выжил, то его жизнь может нам дорого стоить, – ответил Ахмад. – Если Мохаммеда пленят, то нам в Бервехане придется несладко. Гяуры уничтожат нас. Так что будет лучше, если Мохаммед, без сомнения достойный воин, погибнет.

– Мохаммед никогда не сдастся гяурам! – воскликнул Абдул.

– Это хорошо. Но если он все же не только сдастся, но и сдаст русским кишлак, мне придется, как представителю законной власти, убить тебя. Молись, Абдул, чтобы русские сожгли всю колонну.

В разговор вмешался полковник Куршин:

– Нет, господа, пилоты не станут расстреливать всю колонну. Они уничтожат пикапы, джип же оставят. Я не знаю, кого послал с «вертушкой» мой заместитель Ивахин, но в полку

практически все офицеры имеют богатый боевой опыт. Уверен, людей из джипа попытаются взять живыми.

– Каким образом? – спросил Абдул.

– Ты, уважаемый, словно первый год на войне. Вертолет огнем пулемета остановит внедорожник и высадит десант в составе взвода. Подразделение окружит место, где займут оборону люди из джипа, а затем, применив либо отвлекающий маневр, либо задымив местность, либо пустив в ход химические заряды, атакуют позиции Мохаммеда. И все это сделают быстро.

– Значит, у ваших бывших подчиненных, полковник, есть все шансы захватить Мохаммеда живым?

– Да, Ахмад. И не только захватить, но и быстро разговорить.

– Мохаммед ничего не скажет гяурам, – повысил голос Абдул.

– Не тешь себя пустой надеждой, – усмехнулся Куршин. – Лучше бы заранее заминировали машины. Сейчас нажали бы клавишу дистанционного устройства – и преследователям осталось бы разбирать обломки машин и собирать останки трупов.

– Хоп! – сказал Ахмад. – Допустим, русские узнают, что вы здесь. Их действия?

– Разнесут по камешку весь кишлак. И всех нас ждет одно – смерть.

– Мы можем организовать оборону селения.

– Не смей меня, Ахмад! Что смогут сделать твои бойцы против двух-трех взводов полка? Кишлак окружают боевыми машинами пехоты и начнут крушить лачуги. А затем бойцы проведут зачистку.

– А если Мохаммед погиб и ваши подчиненные не узнают, что вы здесь, зачищать Бервехан не станут?

– Зачистки не избежать в любом случае. Но если у Ивахина не будет информации, что я нахожусь здесь, тогда в кишлак придет один взвод. Он разместит технику на господствующих высотах, чтобы иметь возможность обстрела Бервехана из скорострельных пушек. Но БМП откроют огонь только в том случае, если отделениям взвода, что зайдут в кишлак, будет оказано вооруженное сопротивление. Если сопротивления не будет, то солдаты проверят все помещения, где может быть укрыт их командир. Это будет обычная зачистка. И, думаю, ограниченная по времени. Скорее всего, Ивахин получит приказ из штаба дивизии закончить поисковые мероприятия до темноты. Так что по действиям подразделений полка мы поймем, имеет Ивахин информацию по Бервехану или нет.

– Значит, надо ждать? – спросил Ахмад.

– Да, – утвердительно кивнул полковник, – и ждать недолго. Отдайте приказ как следует замаскировать мой бункер, чтобы солдаты не нашли его, а также позаботьтесь о безопасности моей стервы.

– Она в соседней комнате.

– Даже так? – удивился Куршин. – Быстрее бы закончился день и наступила ночь...

– Ночь для всех нас наступит только в том случае, если Аллах позволит пережить день.

Афганцы вышли из бункера Куршина. За ними закрылась массивная дверь, представлявшая собой плиту стены подвала. Маскировка – лучше не придумаешь.

Полковник подошел к одной стене, ко второй:

– Где же ты, Ларочка, сидишь? Здесь или там? Если бы ты знала, как я жажду встречи с тобой... И мы встретимся. В последний раз встретимся. О! Быстрее бы наступила ночь...

Сейчас Куршин думал не о том, что его ищут, что его жизни реально угрожает опасность, не о счете в банке и не о предстоящей службе у душманов. Он думал о жене, подло бросившей его, и желание мести, смешанное с диким желанием развратной жесткой близости с бывшей супругой, пылало в нем жарким пламенем, ищущим выхода. Но Куршин сумел взять себя в руки. Прилег на топчан, достал пачку сигарет – и тут же отбросил ее в угол. Сейчас курить

нельзя. Запах дыма из потайного подвала дома Ахмада Курдани может выдать тайник. А это смерть. И никакой близости, никакой мести, никакой новой жизни...

Полковник поправил подушку, взглянул на часы. Они показывали 13.50. «Интересно, – подумал он, – что происходит наверху? Сумеют ли полевые командиры правильно оценить обстановку и не допустить роковой ошибки?» Он, полковник Куршин, сумел бы, а вот Абдул или Ахмад... Впрочем, многое, если не все, зависело от того, взяли ли его бывшие подчиненные в плен «языка». Если взяли, то уже никто не спасет Куршина от ответственности. А точнее, от смерти – ведь сдаваться он не собирался. На всякий случай Куршин выложил на топчан пистолет с магазином, в котором не хватало двух патронов.

Неожиданно дверь-стена распахнулась. Куршин машинально схватился за «ПМ».

– Это я, – сказал вошедший в бункер Ахмад.

– Черт! Надо предупреждать. Так можно и пулю в лоб получить, Ахмад... Ты чего пришел? Плохие новости?

– Русские окружают кишлак.

Куршин поднялся с топчана.

– Какими силами?

– Три БМП встали вокруг селения, солдаты под командованием подполковника, капитана и старшего лейтенанта рассредоточиваются по всему периметру.

– Подполковника, капитана и старшего лейтенанта? Никак к нам пожаловал сам Сергей Семенович Ивахин и особист полка капитан Растуб. С ними один взвод... Что ж, Ахмад, радуйся, твой замысел удался. Мохаммед не попал в руки моих соотечественников, иначе Ивахин стянул бы сюда полноценную роту. Ты выслал к офицерам старейшин?

– Да, они потянут время.

– Ступай к ним и ты, как представитель законной власти. Веди себя спокойно, Ивахин не знает, что я здесь. Да, куда ты дел машину, на которой мы прибыли в Бервехан?

– Я отправил ее к дальней кошаре.

– Это правильно. Ступай, Ахмад, ничего не бойся.

– Курдани никогда, никого и ничего не боялся.

– Конечно, брат, извини, я не так выразился.

Ахмад удалился. Куршин с облегчением упал на топчан. Ивахин не знает, что он здесь. Значит, все получится как надо...

Заместитель командира полка и особист тем временем вынуждены были принять старейшин, которые по требованию Курдани вышли к офицерам.

– Что вы хотите, уважаемые? – спросил у них Ивахин.

Вперед вышел старик с длинной, совершенно седой бородой.

– Твой понимать фарси? – спросил он по-русски.

– Понимаю! – ответил особист. – Кто ты? Говори, что хотел сказать.

– Я старший мужчина в этом селении. Люди обеспокоены появлением советских солдат. Я хотел спросить, почему вы пришли и что вам надо.

Капитан Растуб подошел вплотную к старцу:

– Нам, уважаемый, надо узнать, есть ли в кишлаке душманы, а у них – советский офицер, полковник.

Старик отрицательно покачал головой:

– Бервехан – мирный кишлак, бандитов у нас нет. Все мужчины занимаются земледелием и скотоводством, некоторые служат в правительственных войсках. И никакого советского офицера в кишлаке нет.

– Так, да? Прекрасно. Мы, конечно, тебе верим, но у нас приказ проверить ваш кишлак. А поэтому...

Договорить особисту помешал Ахмад, вышедший из-за дувала близлежащей усадьбы. Говорил он по-русски:

– Здравствуйте, уважаемые! Я – Ахмад Курдани, представитель законной власти в Бервехане. Извините, я слышал ваш разговор с почтенным главой старейшин, капитан...

– Тем лучше, – вышел вперед заместитель командира полка. – Сегодня утром на дороге Тайзаб – Урульдак у реки неизвестные бандиты совершили нападение на старшего офицера Советской Армии. Душманы расстреляли сопровождение офицера, а его самого похитили. Я получил приказ проверить все близлежащие к району похищения кишлаки.

– Вай, вай, вай! – запричитал Курдани. – Что же это творится? Ведь война уже закончилась, ваши войска выходят из Афганистана... что, признаюсь, беспокоит нас – тех, кто служил верой и правдой официальной власти. И вдруг – нападение на советского офицера... Гибель солдат, собравшихся домой, к родителям... Вай, каково же теперь будет их матерям и отцам вместо сыновей встречать гробы?

Особист повернулся к Курдани:

– Ты вот что, служитель власти, причитания свои прекрати. И отвечай по существу вопроса. Кто похитил нашего полковника и где вы его прячете?

Ахмад изобразил изумление и возмущение:

– Ай, капитан! Почему ты спрашиваешь меня не как друга, а как бандита? Я не знаю, кто похитил вашего офицера, и не знаю, где он находится. Но мы никого не прячем. У нас нет посторонних. Зачем ты хочешь обидеть меня, старейшин? Если у тебя есть приказ проверить кишлак – проверяй, двери наших домов открыты. Но не надо оскорблять нас.

Исполняющий обязанности командира полка отвел особиста в сторону:

– Что за поведение, капитан?

– Нормальное поведение с этими уродами, подполковник. Вы в глаза этому представителю законной власти посмотрите повнимательнее. Ведь врет же, собака! Прессануть его, глядишь, и раскололся бы...

– У вас, товарищ капитан, есть весомый повод не доверять словам афганцев?

– Им и без повода доверять нельзя. Как будто вы их не знаете, Сергей Семенович. В лицо улыбаются, кланяются, шурави называют, а сами за пазухой кинжал держат, чтобы всадить в спину, как только появится возможность. Всех их, шакалов, под автоматы, разговорились бы...

– Я запрещаю вам вести себя подобным образом, – повысил голос Ивахин.

– Запрещать своим подчиненным будете, подполковник, – огрызнулся особист. – Не теряйте времени, приступайте к зачистке селения. А я отдельно побеседую с местными «духами».

– Смотрите, Евгений Андреевич, не спровоцируйте столкновение. Если что, отвечать вам придется по полной программе.

– Отвечу!

Ивахин подошел к Курдани:

– Ахмад, если не путаю?

– Да, да, шурави, Ахмад Курдани.

– Предупредите жителей кишлака, что наши солдаты будут проверять все здания. Для того чтобы не возникло внештатных ситуаций, жителям открыть входы во все помещения, включая и женские половины...

– Но, товарищ подполковник, это оскорбительно!

– Понимаю. Но и вы должны понять нас.

– Хорошо. Я поговорю с людьми. Думаю, они не станут противиться. Недовольства, конечно, не избежать, но ничего не поделаешь.

– Если у мужчин есть оружие, оно должно быть вынесено во двор и разряжено. Особо предупреждаю: если кто-то из ваших мирных чабанов вздумает оказать сопротивление нашим

солдатам, то я немедленно отдам приказ на открытие огня. Вы БМП, что встали вокруг кишлака, видели?

– Конечно! Их все видели.

– Так вот, пушки боевых машин в считанные секунды разнесут кишлак по камешку. Вместе с мирными жителями. Не вынуждайте меня прибегать к крайним мерам. Тем более, как вы сами сказали, война уже закончилась и лишняя кровь не нужна никому.

– Я все понял, товарищ! Мне надо пятнадцать-двадцать минут, чтобы предупредить жителей.

– Десять! – отрезал Ивахин и взглянул на часы. – Десять, Ахмад! В 14.20 солдаты войдут в первые дома на окраине и начнут продвижение к центру. Кстати, самый большой дом в селении не ваш ли будет?

– Мой, – довольно ответил Курдани.

– Неплохо живет местная власть!.. Подготовьте и его к проверке. Его я осмотрю лично. Время пошло, Ахмад!

Курдани подал знак старейшинам, и те быстро для своего возраста направились в селение. Ахмад приказал молодому афганцу:

– Быстро собрать всех мужчин у моего дома. Пять минут на это!

– Слушаюсь, саиб!

Встревоженные появлением советских войск, мужчины кишлака Бервехан за пять минут собрались у дома Курдани. Тот говорил недолго. Все, что нужно, им уже было сказано раньше. Мужчины разошлись.

В 14.20 бойцы взвода старшего лейтенанта Иванова начали осмотр зданий кишлака, медленно продвигаясь от окраины к центру селения, проверяя, осматривая все помещения, собирая оружие, выложенное местными во дворах. Его оказалось немного: два автомата китайского производства без магазинов, один пистолет, остальное – охотничье оружие. Этот «арсенал» не трогали. Операторы-наводчики БМП внимательно следили за происходящим. Курдани с Абдулом, которого Ахмад представил как двоюродного брата, сопровождал офицеров, двигавшихся по центральной улице довольно большого для этой местности селения Бервехан. Доклады сержантов поступали после каждого осмотренного участка. Пока они сводились к тому, что в кишлаке посторонних людей не обнаружено, сопротивление никто не оказывает, допуск к помещениям открыт.

В 14.40 взвод вышел к самому большому в Бервехане дому – жилищу самого Ахмада Курдани. Ворота в усадьбу были открыты, как и двери в дом, в сараи, другие подсобные помещения. К Ивахину и взводному подошел особист. Выглядел он разочарованным.

– Как настроение, капитан? – спросил у него исполняющий обязанности командира полка.

– Хреновое настроение, подполковник! Никто ничего не знает, никто ничего не видел и не слышал. Долдонят – что мужики, что бабы, даже дети повзрослей – одно и то же, словно сговорились. Подозреваю, имеет место сговор. Вот только времени у нас как следует отработать этот кишлак не осталось. А жаль...

– Может, местные жители к похищению Куршина и в самом деле отношения не имеют?

– Имеют! Чую, имеют. Доказательств только собрать не могу. Мне бы еще сутки, кого-нибудь все равно расколос бы... Слушайте, Сергей Семенович, а не взять ли нам с собой в полк нескольких афганцев, да там и поговорить с ними ночью... Не расколос – отпустим.

– На каком основании мы их задержим? На основании того, что у кого-то были обнаружены два автомата и пистолет без патронов?

– Да кто будет интересоваться основаниями? С военной прокуратурой мое начальство вопрос решит. А, Сергей Семенович?

– Нет! – запретил Ивахин. – Никого задерживать и забирать в полк мы не будем. А вот дом Курдани надо осмотреть тщательно. И давайте займемся этим. В нашем распоряжении не более десяти минут. Вы, капитан, с двумя бойцами осматриваете женскую половину дома, командир взвода с отделением – все постройки на участке. Еще одно отделение проверяет сад – не исключено, что там могут быть схроны; часть третьего отделения – мужскую половину. Ну, а я с двумя бойцами спущусь в подвал, посмотрю, что там...

Взвод начал зачистку усадьбы Курдани. Ивахин внимательно осматривал подвал, заваленный всяким хламом. Его сопровождали хозяин дома и Абдул. Спустя восемь минут, ничего не обнаружив, офицеры с душманами остановились у тупиковой стены, за которой находились бункеры Куршина и его бывшей супруги.

Исполняющий обязанности командира полка указал на стену:

– А это что за перегородка? И сложена она недавно...

Курдани, с трудом сохраняя спокойствие, ответил:

– Тут такая история, товарищ. Раньше в помещении за стеной был винный погреб. Да, да, не удивляйтесь, мусульмане не пьют спиртных напитков, а я вот, признаюсь, пристрастился... Еще в Союзе, когда учился в Ленинграде.

– Вы учились в Ленинграде?

– Да, в университете. По образованию я – инженер-механик, стране нужны были специалисты...

– Короче! – приказал Ивахин.

– Короче, переехав сюда во время войны, я купил у торговца в Кандагаре крупную партию спиртного. Складывал там за стеной. И пил, как говорится, под одеялом. Но тайное когда-нибудь все равно становится явным...

– Еще короче!

– Хоп, шурави! Мне грозило серьезное наказание, и я уничтожил весь запас спиртного; склад же приказал заложить стеной.

– Значит, сейчас за стеной пустое помещение?

– Да. Летом пробью дверь, установлю там генератор. Будет свет вырабатывать. Но если вы настаиваете, то стену можно сломать, только на это уйдет не менее часа.

Ивахин внимательно осмотрел стену и ничего подозрительного не заметил. Если бы он отбил кусок штукатурки, то сразу понял бы, что на самом деле стена представляла собой дверь, а хозяин дома нагло лгал. Но в этот момент его позвал сверху командир взвода:

– Товарищ подполковник, вас вызывает на связь замполит полка.

– Осмотр закончили, все наверх! – приказал сопровождавшим его солдатам Ивахин.

Курдани облегченно вздохнул, но это осталось без внимания исполняющего обязанности командира полка. Тот вышел к взводному связисту, принял гарнитуру:

– Первый на связи.

– Это Четвертый! У меня в Арихеле пусто.

– Похоже, и у меня тоже...

– Выполняем график или задерживаемся на часок-другой?

– Всем подразделениям в 15.00 отход на базу! – приказал Ивахин.

– Понял, в 15.00 отход. Отбой!

Ивахин вернул гарнитуру связисту, повернулся к командиру разведвзвода:

– Выводи людей на южную окраину селения, к дороге, туда же БМП, и сразу построение в боевой порядок.

Разведвзвод вместе с исполняющим обязанности командира полка ушел к мосту через Урдальку. В 16.00 подразделения поиска, а также второй мотострелковый батальон, прикрывавший ущелье у селения Урульдак, вернулись в расположение полка. Войсковая часть начала

подготовку к выходу из Афганистана. Командира полка полковника Куршина внесли в списки без вести пропавших, передав дело о его исчезновении органам государственной безопасности.

В 15.20 стена-дверь в бункер, где прятался Куршин, открылась. В комнату вошел Курдани. Присел на топчан рядом с беглым полковником, протер платком внезапно вспотевший лоб.

– Кажется, пронесло, господин полковник. Ваши подчиненные ушли.

– Бывшие подчиненные, – уточнил предатель.

– Заместитель у вас дотошный, весь дом перерыл. А особист злой как собака. Народ опрашивал, тоже везде нос свой совал...

– Этого у них не отнять. Ну да и черт с ними; главное, ушли ни с чем. Больше не придут.

– Да, мои люди сообщили, что полк получил приказ срочно готовиться к выводу.

– Хорошая новость! Теперь можно подняться в большую комнату, отведать вина, покушать, принять душ... Ну а потом – на randevu с бывшей супругой.

– Да, господин полковник.

Куршин в сопровождении хозяина дома и Абдула поднялись в главную комнату мужской половины дома. Ахмад приказал подать запоздалый обед или ранний ужин. Женщины, закутанные в черные одеяния, внесли тазы с водой, в которых мужчины омыли руки. Позже они постелили скатерть на дорогой ковер и внесли блюда с жареным мясом, специями, лепешками, поставили две бутылки вина и чайник с зеленым кандагарским чаем.

Куршин поднял одну из бутылок, осмотрел ее на свет:

– Да, это то вино, что я больше всего люблю. Оно не туманит голову, а делает ее ясной, разливает по телу тепло и даже возбуждает – естественно, в присутствии предмета возбуждения. Успокаивает, дарит блаженство... Хорошее вино. Как тебе удалось достать его?

– Как говорят в России, не имей сто рублей, а имей сто друзей, – улыбнулся Ахмад. – Друзья помогают друг другу. Я дарю им молоденьких красавиц из дальних горных кишлаков, они отвечают взаимностью, в том числе поставляя настоящие вина.

– Да ты, наверное, и сам не прочь выпить?

– Только перед тем, как войти в покои одной из жен или наложниц. Вино действительно возбуждает.

– Ну, тогда наливай!

– Я сейчас не буду. Сегодня мне не до вина и не до любовных утех. К ночи должен прибыть человек из Пешавара по вопросу вашей переброски в Пакистан. Его надо встретить и все обговорить.

– Понятно... Значит, тебя тоже ждет бессонная ночь?

– В отличие от вас, не столь страстная...

Взгляд полковника потемнел.

– Не будем об этом.

Ахмад налил вино в пиалу. Насладившись ароматом настоящего французского вина, Куршин выпил его мелкими глотками.

– Прелесть! Других слов и не подобрать!

– Теперь прошу мясо, зелень, лепешку.

Плотно пообедав, Куршин наконец с удовольствием закурил.

– А сейчас, мой друг, – сказал он, – неплохо бы принять контрастный душ и переодеться.

– Вам подготовили одежду.

– Как я и просил, белую?

– Да. И все остальное. В комнате, где вы находились во время зачистки.

– А где дверь в спальню моей дорогой сучки?

– В той же комнате.

– Я ее не заметил.

Курдани вновь улыбнулся:

– Если бы вы ее заметили, то те, кто занимался оборудованием потайной части подвала, тотчас лишились бы своих голов. Поэтому они старались работать аккуратно... Пойдете к супруге после душа?

– Нет, позже, часов в семь.

– Тогда, может, дать ей воды и пищи? Она не ела ничего с самого утра.

– Не стоит ее кормить. Подумайте лучше, куда денете труп.

– Я думал об этом. Мы бросим ее тело в ущелье. Шакалам тоже надо кушать.

Курдани и Куршин рассмеялись.

– Это ты верно заметил, Ахмад, – проговорил полковник. – Место этой шлюхи как раз среди шакалов.

– А вообще-то она у вас красивая...

– Красивая. Но не у меня.

– Обычно у вас измена супругов приводит к разводу, но чтобы к убийству... Это по нашим законам жену, изменившую мужу, казнят.

– Я теперь такой же, как и вы. А значит, ваши законы – мои законы... – Куршин присел, потянулся. – Пусть вино останется, остальное можно убрать. Я в душ. Кстати, где он находится?

Ахмад трижды хлопнул в ладони. На пороге появился мальчуган лет двенадцати.

– Бача проводит вас, полковник. В соседней с душем комнате – ваша белая одежда. Извините, не могу понять, почему вы выбрали именно белое одеяние?..

– Идя на черное дело? Потому, дорогой Ахмад, что я так хочу. Еще вопросы есть?

– Нет, полковник, вопросов к вам у меня нет! – развел руками Курдани.

Куршин встал и вслед за мальчуганом вышел из большой комнаты. Тут же в нее вошел Абдул:

– Все по плану, Ахмад?

– Да. Полковник ночью займется своей шлюхой, нам же надо встретить посланца из Пешавара. Около полуночи он должен выйти на связь и сообщить, где его найти. На встречу поедешь ты. К 22.00 из Дули пригонят новый джип, на нем и отправишься.

– Слушаюсь. Но не лучше ли тебе лично встретить посланца самого Раббани?

– На встречу поедешь ты, – в тоне приказа повторил Курдани.

– Хорошо, хорошо... Я так я... – Абдул взял в руки бутылку вина, принялся, поморщился: – Напиток шайтана. Мерзость. Как эту гадость пьют неверные? Другое дело – хороший чарс...

– Кому что... Поставь бутылку и сходи узнай, не было ли докладов от людей, что наблюдают за полком. Мне надо знать, что там происходит.

– Хоп! А после ужина позволь уединиться с Фаридой? Она тебе больше не нужна, а я бы развлекся с ней...

– Уединяйся. Но развлечения до 22.00! Этого времени тебе хватит?

– Вполне. Ты уже решил, что будешь делать с ней? Покупатель на нее есть?

– Она слишком стара, Абдул. Продать ее будет трудно, работница же из наложницы – я не имею в виду постель – никудышная. Придется убирать.

– Не спеши, Ахмад! Отдай Фариду мне. А как надоест, я сам уберу ее.

– Забирай. Только объясни... Ты спокойно можешь иметь молоденьких девочек; зачем тебе эта старая, изношенная ослица?

– А меня тянет к таким! Почему? Не знаю. Может, потому, что молодые часто поначалу вместо удовольствия доставляют разочарование; старые же умеют ублажать мужчину и знают, что и когда делать.

– Странная у тебя логика... Но дело твое. Забирай Фариду. И сделай так, чтобы я ее больше не видел.

Довольный Абдул вышел из комнаты хозяина дома и тут же приказал слуге через полчаса доставить к нему в покои Фариду.

...В 7 часов вечера Куршин, спустившись в подвал, зашел в свою комнату, где скрывался от бывших подчиненных. Он был облачен в белоснежные одежды, штаны, рубаху. Увидел на топчане наручники, плетку, нож в ножнах. Все, что ему было нужно для свидания, последнего свидания с бывшей женой... От шороха сзади он обернулся. На пороге, улыбаясь, стоял Ахмад.

– Ты зачем здесь? – спросил Куршин.

– Тебе известен вход в спальню госпожи Ропниной?

– Ах да, об этом я не подумал... Так где этот вход?

Ахмад подошел к боковой стене и легко сдвинул в сторону старинный платяной шкаф. За ним находилась дверь.

– Вот и вход, полковник. Он открыт; достаточно опустить ручку вниз, и спальня бывшей супруги перед тобой.

– Отлично! А теперь уйди.

– Да, конечно... Но дверь захлопнется, и изнутри ее не открыть. Когда все закончится, нажмите кнопку у выключателя света. Слуга выпустит вас. – Ахмад посмотрел на орудия пыток, усмехнулся: – Приятных вам ощущений, полковник.

– Иди к черту, Ахмад!

Курдани неслышно, как и появился, вышел в коридор. Куршин же взял в руки плетку и наручники, ножны с ножом вставил за пояс штанов. Поднял голову вверх, закрыв глаза. Затем, резко выдохнув, подошел к двери и распахнул ее.

Бывшая супруга Куршина лежала на кровати, одна ее рука была пристегнута наручником к спинке. От неожиданности женщина вздрогнула и повернулась на скрип. Глаза ее расширились от изумления.

– Денис? Ты?! Здесь?!

– Добрый вечер, дорогая, – ответил Куршин.

– Ты пришел за мной? Но... почему на тебе необычная одежда и почему в руках плетка?

– Скажем так, – усмехнулся Куршин, – я пришел к тебе. Ну и в каком-то смысле за тобой – точнее, за твоей душой.

– Я не понимаю тебя...

– Не понимаешь? – изобразил удивление полковник. – А могла бы догадаться... Тебе не кажется странным, что ты оказалась здесь, в подвале дома афганского кишлака?

– Я плохо помню, как попала в этот подвал. И... почему попала.

– Вот об этом мы с тобой поговорим перед тем, как заняться любовью. Страстной. Животной. Да, Ларочка, это по моему приказу тебя доставили в Афганистан, а твоего новоиспеченного мужа убили в горах Кавказа.

– Андрей погиб?!

– Ты плохо слышишь? Если я сказал, что по моему приказу убили твоего мужа, то, естественно, это значит, что Андрей Валерьевич Ропнин погиб.

– Господи! – воскликнула женщина. – За что же ты убил его?

– Как за что? За то, что он соблазнил тебя в то время, когда я воевал в этой дерьмовой стране.

– Но ты же дал согласие на развод!

– И что? Тогда это было необходимо. Для того, чтобы позже отомстить тебе за все твое беспутство. За твою связь с Ропниным, за то, что ты, шалава, гуляла в Союзе, когда я здесь рисковал жизнью.

С трудом, но Ларисе удалось сесть на кровати.

– А ты не забыл, как после училища увез меня из Москвы в задрипанный гарнизон? Где я сидела в вонючем бараке – общежитии, а ты тем временем спал с официантками, медсестрами и женами своих друзей? Что, по-твоему, мне это было приятно? Я не могла никуда выйти без твоего разрешения, а ты не позволял. Сам же всюду развлекался.

Куршин угрожающе усмехнулся:

– Если у тебя такая хорошая память, Лара, то тогда вспомни, что было до того, как я увез тебя из столицы в отдаленный гарнизон.

– Может, ты все-таки сначала снимешь с меня наручники и позволишь принять душ? Нормально в туалет сходить?

– Может, но не сейчас. Ты вспомнила, кем была до нашей свадьбы?

– Ты обо всем прекрасно знал, и я не понимаю, для чего весь этот спектакль. Почему мы не говорили об этом раньше?

– Потому, дорогая, что я слишком долго шел к этому разговору. Слишком долго принимал решение. И я его принял, поэтому именно сегодня ночью мы поставим в наших отношениях точку.

Женщина, красивая и привлекательная даже в этом убогом подвале, испуганно отодвинулась к стене:

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что сказал. Так кем ты была до знакомства со мной?

– Студенткой.

– Ты была шлюхой, имевшей студенческий билет. Ты хотела выйти замуж за офицера, это же престижно. Хотела обеспеченной жизни и вешалась на шею курсантам без разбору. Тебя, как куклу, передавали из рук в руки выпускники училища. Старшие – младшим. Тебя это бесило, но из года в год ты упрямо продолжала висеть на заборе училища, подыскивая себе очередного жениха. Находила и тут же расставляла свои, надо признать, красивые ноги. Ты очень хотела выйти замуж. И тебе наконец удалось влюбить в себя одного романтического тогда еще юношу, который на пять лет был младше тебя. Этим романтическим юношей оказался я. Прекрасно помню нашу первую ночь в увольнении на съемной квартире. Это была незабываемая ночь... Ты старалась, и я буквально задыхался от удовольствия. Ты знала, чем взять меня. Наша первая ночь была страстной и развратной. Ты делала то, что я даже в мыслях не допускал. Я помню твое лицо, блестящие от возбуждения глаза в свете луны, светившей в окно, полуоткрытый рот, которым ты так умело ласкала меня... Капли пота на твоём лбу под растрепанными, взбившимися белокурыми волосами... Ты была прекрасна. И я попался на твою удочку. Каким счастливым я вернулся из увольнения, не зная, что на самом деле был придурком!.. Мне рассказывали о тебе, о твоих любовных похождениях, но я не верил. Я не верил никому, потому что, ослепленный любовью, верил лишь тебе, а ты вертела мной, как хотела. Ты наконец заполучила в свои сети беззащитную жертву и не собиралась ее выпускать. Да и жертва не стремилась вырваться из этих сетей... сетей лицемерия и лжи. Просветление наступило позже, на последнем курсе, когда я, вернувшись со стажировки, увидел тебя на дискотеке с сержантом первого курса. Он держал тебя за ягодицы, а ты покусывала ему ухо. Ты не могла видеть меня. Я стоял в тени, за забором. Сейчас не объяснить, что я чувствовал тогда. Мы встретились только на следующий день, потому что меня до окончания дискотеки забрал патруль, я вышел из училища без увольнительной записки. И ты на вопрос, как жила в мое отсутствие, нагло врал. А помнишь, что ты ответила мне на вопрос, как танцевала с сержантом?

– Не помню, – проговорила Лариса.

– Ты ответила, что не была в тот вечер на дискотеке, что я спутал тебя с кем-то. Ты и подружек в свидетели привела. И те ввали вместе с тобой. Ты якобы весь вечер была в студенческом общежитии. Но сержант-то раскололся! Пришлось прессануть его у котельной. Пом-

нишь, тогда в училище похороны были? Так это его хоронили. Долго, сука, молчал, пока я не переломал ему ребра. Потом сказал правду. Ты с ним, оказывается, спала, дорогуша, когда я в наряды заступал! Надо же, в той же самой постели, на той же самой съемной квартире...

– Почему же ты тогда не бросил меня? Не нашел себе другую?

– Любовь – странное чувство. Я любил тебя и ненавидел. И... надеялся, что вот поженемся, уедем в войска, и все изменится. Но ты и в гарнизоне начала задницей своей оттопыренной перед офицерами вилять. И тогда я закрыл тебя в общежитии, а сам стал гулять налево и направо. И, знаешь, это помогло. Верно говорят, клин клином вышибают. К тому же развестись с тобой я не мог – это неминуемо повлияло бы на мою карьеру. И опять-таки меня не покидала надежда, что ревность заставит тебя измениться. Но напрасно я надеялся на чудо... Чудес на этом свете не бывает. Как только ты «зацепила» комсомольскую «шишку», когда меня направили в Афганистан, то все вернулось на круги своя. Ты быстро сообразила, что с Ропниным будет лучше и в материальном плане, и во всех других отношениях. Он имел любовниц, ты имела любовников. А в семье вроде как мир. Но ты не учла одного: я предательства не прощаю. Поэтому твой Ропнин убит, а ты находишься здесь, для всех тоже погибшая при сходе лавины. Тебя недолго будут искать. Да и кому ты нужна? Пропала и пропала...

Женщина взглянула на бывшего мужа:

– А ты сам не предал Родину – ты, не прощающий предательства?

– Не надо высоких слов. Они не для тебя. И объясняться перед тобой у меня нет никакого желания.

– Ты решил сделать меня своей рабой?

– Нет! Как можно? Да и рабыня из тебя никакая. Стара стала, Лара!

– Тогда что ты намерен сделать со мной?

– То же, что ты сделала со мной.

– Не понимаю...

– Сейчас все поймешь. Достаточно слов, пора переходить к делу.

– Что ты хочешь делать? – испуганно воскликнула Лариса.

– Любить, моя дорогая. До смерти любить!

– Не надо, Денис, прошу тебя... Мы же цивилизованные люди. Отпусти меня, и мы больше никогда не встретимся.

– Конечно, отпущу. А уж то, что не встретимся, – это точно. Больше, после этой сказочной ночи, мы не увидимся никогда.

Куршин подошел к кровати, отцепил наручник, державший руку бывшей жены. И тут же сдернул ее на пол. Схватил за волосы, приподнял, бросил головой обратно на кровать, но так, что колени женщины остались на полу. Защелкнул на запястьях уже двое наручников. Сорвал с бывшей жены грязный халат, лифчик, трусы...

– А ты по-прежнему привлекательна, особенно сзади.

– Не надо, Денис, прошу тебя!..

– Надо, Лара. Я долго ждал этого момента, и он наступил.

Куршин грубо взял ее. От боли женщина закричала, что еще более возбудило насильника. Удовлетворившись, он отошел от постели и взял в руки кнут. На спине бывшей жены проступила кровавая полоса. В полубессознательном состоянии Лариса прошептала:

– Не надо, прошу! Хватит...

– Да, – сказал Куршин, – хватит. Я хотел, чтобы ты сдохла в муках, но ты все же когда-то подарила мне волшебную ночь любви. Любви, тобой же и растоптанной. Поэтому я помогу тебе. Ты не будешь мучиться.

Он перевернул ее на спину и резким движением вооруженной клинком руки перерезал горло. Стер рукавом рубахи пот с лица. Подошел к стене. Нажал на кнопку звонка. Дверь тут же отворилась. За ней стоял сам Ахмад Курдани:

- Все?
- Все! Прикажи доставить мне в комнату водки. Много водки!
- Вечером тебе ехать в Пакистан. Посланец из Пешавара уже прибыл.
- Ты плохо понял меня, Ахмад?
- Хоп, полковник, водка будет!

Куршин в окровавленной одежде поднялся к себе и принял душ. Ахмад же вошел в комнату, на полу которой лежало тело бывшей жены Куршина. За ним туда же вошел второй афганец с четками в руках – посланец Раббани.

- Надеюсь, Ахмад, ты записал на видеокамеру «свидание» полковника с бывшей женой?
- От начала до конца. Со звуком.
- Кассету мне! Я отвезу ее вместе с Куршиным в Пакистан.
- Как скажешь, уважаемый Хамид.
- Хоп! Пора и мне на отдых.

Посланец из Пакистана ушел. Вернулся к себе в покои и Курдани.

Над Бервеханом опустилась густая зимняя ночь. Заморосил нудный, холодный дождь.

Глава третья

Афганистан, район селения Адраси, двадцать с лишним лет спустя

Джип и четыре пикапа «Ниссан» с закрытыми тентами кузовами, и еще два – с боевиками – медленно подкатили к брошенному кишлаку Байдур, окруженному со всех сторон холмами, заросшими кустами и редкими деревьями. За развалинами у южной высоты колонна остановилась. Из двух машин вышли люди в камуфлированной форме и замерли у кузовов в ожидании человека в черном комбинезоне. На голове у него был черный берет, а не нуристанка – национальный головной убор афганцев. В этот день, 24 сентября, в пятницу, моджахеды планировали нанести удар по американской военной базе.

Человек в черном, в американских военных ботинках, которому на вид было лет шестьдесят, извлек из чехла портативную японскую радиостанцию:

– Мухаммед! Это полковник.

– Да, господин, – ответил Мухаммед, наблюдатель за американской военной базой у селения Адраси, высланный сюда тремя сутками ранее.

– Что у янки?

– Все как обычно для этого времени. Через час начнут строиться, затем в батальоне объявят отбой, и на территории, кроме караула, никого не останется.

– Дежурный взвод американцев на месте?

– Да, господин полковник, у штабного модуля стоят три внедорожника и бронетранспортер. Солдаты в своем подразделении, у штаба и возле техники их нет. На «Хамви» установлены пулеметы.

– Это я и без тебя знаю. Продолжай наблюдение. Скоро я с Каримом и Хайруллой поднимусь к тебе. На высоте есть место, где разместиться?

– Да, господин!

Человек в черном переключил радиостанцию, засунул ее в чехол и повернулся к своему помощнику Кариму Джалади:

– Пикапы с орудиями выставить на площадку между холмами, что впереди. Орудия привести к бою. Зарядить осколочно-фугасными снарядами, химические подготовить к последующему заряданию. Огонь только по моей команде. Саперам приступить к минированию территории вокруг всего кишлака, а также внутри развалин; для отхода оставить узкий коридор, который заминировать по окончании операции. Зенитчикам рассредоточиться непосредственно у кишлака и держать «Стингеры» в готовности к применению. Передай отряду приказ, организуй работу расчетов и групп – и возвращайся. В 22.40 ты должен быть здесь!

– Слушаюсь, полковник!

Отправив помощника, командир подозвал молодого афганца, стоявшего неподалеку у джипа:

– Хайрулла! Ко мне! Бегом!

Молодой афганец с рацией за спиной подбежал к человеку в черном комбинезоне:

– Слушаю вас, господин полковник!

– Ступай на холм к Мухаммеду. К нашему с Каримом прибытию быть в готовности корректировать огонь безоткатных орудий!

– Слушаюсь!

– И помни, Хайрулла: я не посмотрю, что твое имя означает «добро Аллаха». Если снаряды не лягут в цель, то мне такого добра не нужно... Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, господин полковник!

– Вперед!

Отправив корректировщика огня к наблюдателю, тот, кого афганцы называли полковником, позвонил к себе связиста диверсионной группы, приказав:

– Мне нужна связь с Муатабаром, Абдул.

– Слушаюсь!

Вскоре связист передал ему трубку спутниковой станции, доложив:

– Саиб на связи, командир!

Человек в черном принял трубку:

– Муатабар? Это Куршед.

– Слушаю тебя, полковник!

– Это я, Муатабар, слушаю тебя. Что у нас в Подмоскowie?

– Наши люди подошли к объекту, готовы действовать.

– Информация по американцам в России подтвердилась?

– Да, полковник. В пансионате «Березка» находятся двадцать два человека из американской делегации.

– Охрана пансионата?

– Ее численность – девять человек.

– Американцы свою охрану с собой привезли?

– Нет. По докладу Охотника, автобус с американской делегацией прибыл в пансионат с сопровождением автомобиля патрульно-постовой службы. Милиция, выполнив задачу, тут же уехала в Москву.

– Значит, в пансионате, как мы и рассчитывали, девять охранников? А в отряде Охотника четырнадцать бойцов?

– Двенадцать. Двое не успели вовремя прибыть в Москву.

– Почему?

– Не знаю.

– Так узнай! А если их перехватили фээсбэшники?

– Даже если и так, что они могут им предъявить?

– Эти двое могут сдать весь отряд!

– Охотник заверил, что его люди надежны.

– Хоп! Я готовлюсь к удару по базе. Свяжусь с тобой, когда начну отход. Где-то через час. К этому времени у тебя в Душбаре и в Тахпули все должно быть готово к приему отряда.

– Да, конечно, полковник!

– Конец связи!

Человек в черном комбинезоне, назвавшийся Куршедом, передал трубку связисту:

– Находишься у джипа!

– Слушаюсь, господин.

Куршед посмотрел на часы – 22.35. Помощник должен вот-вот подойти. Человек в черном достал пачку «Кента», зажигалку «Зиппо», прикурив сигарету. Когда он, смяв окуроч, бросил его на землю, подошел Джалади.

– Что у нас? – спросил Куршед.

– Орудия к бою готовы, заряжены осколочно-фугасными снарядами. Расчеты работают с корректировщиком. Муштак со своими людьми минирует район. Зенитчики готовы к приему авиации.

– Хорошо, идем на наблюдательный пункт.

Боевики поднялись на холм, где среди кустарника был оборудован командно-наблюдательный пункт, и устроились рядом с Мухаммедом. Куршед поднял к глазам бинокль, осмотрел поселок Адраси – обычный афганский поселок, пустынный в это время. Потом перевел оптику на американскую базу, где дислоцировался пехотный батальон, находившийся в четы-

рех километрах южнее Адраси, в трех километрах от позиции моджахедов. На базе, в отличие от поселка, царило оживление. Жара спала, солдаты находились на улице; разноцветными огнями светился батальонный клуб.

– Вояки, мать их! – пренебрежительно проговорил Куршед.

– Вы что-то сказали, полковник? – спросил помощник.

– Я сказал, что янки плохие воины.

– Но они доставляют нам много хлопот...

– Потому что у нас бойцы еще хуже. Мне бы сюда один российский батальон... И тогда я не одну такую базу уничтожил бы за ночь. Но ладно; на «нет», как говорят в России, и суда нет. – Куршед повернулся к корректировщику огня: – Что у тебя, Хайрулла?

– Орудия наведены на плац. Хамиз, командир расчетов, доложил, что готов открыть огонь.

– Хоп. Передай по своему каналу связи, пусть ждет моего сигнала... – По обычной радиостанции Куршед вызвал командира зенитной группы: – Халик? Это полковник. Где рассредоточены бойцы со «Стингерами»?

– Там, где было определено, – на восточных холмах. Мы готовы встретить авиацию янки, если, конечно, она появится.

– Появится, Халик. Звено «вертушек» американцы поднимут обязательно.

– Мы встретим их!

Куршед переключился на командира саперов:

– Муштак?.. Как обстоят дела с минированием района?

– Нам нужно еще минут двадцать.

– Хорошо! Двадцать минут, и ни секундой больше. После минирования выстави саперов у «коридора» в минном поле.

– Слушаюсь, господин!

Человек в черном комбинезоне вложил радиостанцию в чехол на груди.

– Полковник, американцы начали строиться на плацу, – доложил наблюдатель.

Куршед вновь поднял к глазам бинокль:

– Ага! Горнист трубит сбор, роты строятся... – Он вызвал на связь командира расчетов безоткатных орудий: – Хамиз! Готовность полная!

– Да, полковник, готовность полная!

Прошло две минуты. Роты и отдельные взводы пехотного батальона США выстроились на плацу перед трибуной и флагштоком, на котором колыхался под слабым ветерком звездно-полосатый флаг.

– Внимание расчетам! – отдал приказ Куршед. – Расход снарядов шесть. По обозначенным целям осколочно-фугасными, огонь!

Внизу раздались хлопки безоткатных орудий. Осколочно-фугасные снаряды разорвались прямо в строю первой роты. Человек в черном видел, как на бетон упало с десятков солдат. Следом два снаряда разорвались в строю второй роты, потом третьей...

Куршед отдал очередной приказ:

– Внимание, Хамиз, по тем же целям химическими снарядами, огонь!

Безоткатные орудия «М-40» провели четыре выстрела по плацу, окутав его белым облаком отравляющего вещества нервно-паралитического действия. Не успевшие разбежаться солдаты американского батальона забились в агонии в этом белом облаке.

Куршед, наблюдавший за результатами обстрела, довольно произнес:

– Прекрасно! Получилось даже лучше, чем я рассчитывал. Мы вывели из строя не менее половины личного состава батальона. Прекрасно... – Он убрал бинокль и включил радиостанцию: – Внимание всем! Машины в колонну, бойцы к машинам, и по местам! На позициях остаться только зенитчикам.

Отключив станцию, он бросил находившимся на командно-наблюдательном пункте боевикам:

– Мухаммеду остаться на полчаса, остальным отход!

И первым бросился вниз.

Пикапы с орудиями отошли с позиций и заняли места за джипом командира отряда, за ними пристроились два «Ниссана» для личного состава. В джип сели водитель, он же помощник Куршеда Карим Джалади, корректировщик огня Хайрулла и связист диверсионного отряда Абдул. В пикапах с орудиями устроились расчеты «М-40», в третьей машине – саперы; четвертый внедорожник должен был подобрать зенитчиков. Колонна приготовилась к движению на восток. Куршед, находясь у джипа, вызвал наблюдателя:

– Мухаммед? Что происходит на американской базе?

– Объявлена тревога, выжившие солдаты помогают раненым. Их довольно много.

– Дежурный взвод?

– К «Хамви» и бронетранспортеру бегут люди. За парком боевых машин артиллеристы разворачивают три пушки.

– Интересно, по каким целям они собрались стрелять?.. Что еще?

– Из парка к плацу вышли санитарные машины, два бронетранспортера. Внимание, полковник, слышу рокот вертолетов. Теперь вижу их. К базе идут четыре вертолета «Апачи»!

– Быстро, однако, сориентировался американский комбат... Следи за вражескими взводами, орудиями и вертолетами. Я постоянно на связи!

– А когда уходить мне?

– Я скажу. Не беспокойся, мы тебя на растерзание американцам не бросим.

Положив радиостанцию на крыло джипа, человек в черном комбинезоне спокойно прикуривал сигарету. В отличие от Куршеда, все остальные моджахеды заметно нервничали. Помощник крикнул:

– Командир! Надо уходить!

– Рано, – все так же спокойно ответил Куршед.

Наконец радиостанция выдала сигнал вызова:

– Господин, это Мухаммед. Артиллеристы развернули орудия на юго-восток, зарядили их, стрелять не спешат.

– Они не знают, куда стрелять.

– Из базы вышел дежурный взвод, пошел дорогой в том же юго-восточном направлении, в сторону роции.

– Хорошо!

– А вот вертолеты направляются прямо на нас...

– Прекрасно! – Куршед выбросил окурочек и вызвал зенитчиков: – Халик? Это полковник.

– Я вижу «Апачи», командир.

– Тогда ты знаешь, что делать.

Не успел Куршед закончить сеанс связи, как за холмами показались летевшие на предельно низкой высоте вертолеты огневой поддержки ВВС США. Навстречу им метнулись две молнии. Два вертолета в одно мгновение превратились в огненно-искристые шары, рассыпавшиеся в воздухе на мелкие куски. Две другие «вертушки», шедшие позади первой уничтоженной двойки, попытались провести противозенитный маневр. Они разошлись в разные стороны, резко набирая высоту, но уйти от американских же переносных зенитно-ракетных комплексов уже не могли. Выпущенные вверх две ракеты также разнесли их на куски, осветив небо еще двумя яркими вспышками.

– Отличная работа! – воскликнул Куршед. – А вот теперь уходим! – Он вызвал Мухаммеда: – Это я! Что в батальоне?

– Артиллеристы мечутся у пушек, похоже, не знают, что делать; взвод на броневтомобилях и бронетранспортере свернул вправо и идет по грунтовке к нашим позициям.

– Бывшим позициям, Мухаммед... где их ждет очередной сюрприз. Давай быстро спускайся. Минута времени тебе. Жду в джипе!

– Уже бегу, господин!

В 23.25 колонна моджахедов быстро двинулась на восток. А через десять минут к холмам вышел дежурный взвод пехотного батальона США. Остановившись на позициях безоткатных орудий, которые произвели губительный обстрел американской базы, командир взвода, молодой, недавно прибывший в Афганистан из Штатов лейтенант, допустил непростительную даже для новичка ошибку. Он отдал приказ взводу спешиться и осмотреть холмы, бронетранспортеру же пройти через весь район бывшего нахождения моджахедов. В результате солдаты начали подрываться на противопехотных минах. Повсюду гремели разрывы и слышались крики боли, бронетранспортер налетел на противотанковую мину.

Лейтенант находился в полной растерянности – на его глазах погибал личный состав. Быстрее взводного сориентировался сержант, прошедший не одну войну. Он сообщил по связи о капкане, в который угодило подразделение. Комбат немедленно выслал на помощь взводу оперативно-тактическую группу поддержки с санитарной техникой для эвакуации раненых и погибших. Понесся большие потери, командир бригады, которому был подчинен и батальон, и приданная вертолетная эскадрилья, не решился на преследование и поиск отряда моджахедов, нанеся мощный удар по базе у Адраси.

Отряд же полковника Куршеда благополучно дошел до селения Душбар, где его встретил полевой командир талибов Муатабар Акрани. Куршед с помощником и связистом остался в Душбаре, остальных моджахедов старший расчетов безоткатных орудий Хамиз увел в свое родовое селение Тахпули, где бойцы надежно спрятали и технику, и орудия.

Акрани провел человека в черном комбинезоне в главную комнату мужской половины большого каменного дома. Он поздравил Куршеда с успешно проведенной операцией, предложил ужин. Куршед от еды отказался:

– Сейчас не время. Мне надо связаться с Куршени, человеком муллы Омара, а после сеанса связи я бы принял душ и занялся девочкой. Надеюсь, ты выполнил мою просьбу насчет женщины европейской национальности?

– Конечно, уважаемый полковник. Буквально час назад мне привезли француженку. Двадцатилетняя красавица, блондинка без каких-либо комплексов.

– Где ты ее раскопал, Муатабар? – удивился Куршед.

– Ее привезли из Алжира.

– Проститутка?

– Да. Но какая, в принципе, разница?

– С француженкой еще не спал...

– Они прекрасны в постели. Страстны, активны, неутомимы. Доступны и раскрепощенны.

– Ты уже успел попробовать эту шлюху?

– Ну что ты, она твоя добыча! Я имел других женщин этой погрязшей в разврате Франции.

– Я доволен. Прикажи приготовить душ и спальную комнату.

– Наручники, плетку?

– Не нужно. С этой дамой мы будем заниматься сексом без экстрима.

Пока хозяин дома отдавал соответствующие распоряжения, Куршед вызвал связиста:

– Абдул, обеспечь мне связь с Пешаваром!

– С кем конкретно?

– С Куршени.

Не прошло и минуты, как связист передал Куршеду трубку спутниковой связи.

– Адил, это Куршед.

– Салам, полковник, слушаю тебя!

– Операция у Адраси проведена успешно. Мы нанесли десять ударов из безоткатных орудий по территории американского пехотного батальона. Шесть выстрелов осколочно-фугасными снарядами, четыре – химическими, нервно-паралитического действия. Результат обстрела – как минимум половина выведенного из строя личного состава батальона. Убито не менее пяти десятков солдат и офицеров, не считая тех, кто получил смертельную дозу химии. Также мы сбили четыре «Апачи» и практически уничтожили взвод преследования. Подчиненный мне диверсионный отряд благополучно отошел в Душбар и Тахпули.

– Ты порадовал меня, полковник. Если завтра твоя информация подтвердится, тебя ждет солидное поощрение.

– Информация подтвердится... Меня интересует, как проходит акция в Подмоскowie?

– По ней все вопросы к Муатабару. Это он отвечает за обеспечение подготовки и проведения операции в России.

– Почему вы сбросили это дело ему?

– Ты хотел бы сам контролировать ход операции?

– Я предложил акцию, разработал план; по логике, я должен и руководить ею.

– руководи! Разве я сказал, что ты отстранен от участия в наших действиях в России? Я сказал, что Муатабар отвечает за обеспечение проведения операции. А руководить и обеспечивать – это не одно и то же... У Юнуса имеется спутниковая станция, есть она и у тебя; связывайся с Охотником и координируй действия его отряда. Тем более кто, как не ты, может правильно, адекватно оценить складывающуюся на твоей бывшей родине обстановку, помочь Охотнику принять верное решение, предостеречь от вероятных просчетов. руководи операцией, полковник, если есть желание. Мы ничего не имеем против.

– По времени реализации плана террористической акции изменений нет?

– Нет. Основной удар должен быть нанесен завтра, в ночь с субботы на воскресенье. Впрочем, если ты берешь руководство акцией в свои руки, то можешь внести в план коррективы.

– То, что ни Охотника, ни его подчиненных не удастся вывести из игры, у руководства движения не вызывает недовольства?

– Нет, полковник, – спокойно ответил высокопоставленный бандит из Пешавара. – Мулла Омар понимает, что это невозможно.

– Хорошо! Тогда позже я свяжусь с Охотником.

– Как тебе будет угодно.

– Еще, Адил, я хотел бы завтра получить подтверждение о переводе на мой счет суммы, оговоренной по работе у Адраси, с учетом нанесения американцам ущерба, не предусмотренного планом операции. Я имею в виду дополнительную оплату за уничтожение четырех боевых вертолетов и отдельного пехотного взвода.

– Я передам твои пожелания Омару. Думаю, он согласится выплатить тебе дополнительное вознаграждение.

– Не менее сорока процентов от суммы первоначального договора.

– Хорошо. Я все передам Омару.

– Тогда спокойной ночи, господин Куршени!

– Спокойной ночи, господин полковник!

В отведенной Куршеду спальню комнате его ждала очаровательная белокурая, миниатюрная, красивая девушка. Она сидела в длинном халате и подкрашивала губы. Увидев вошедшего мужчину, поднялась с широкой кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.